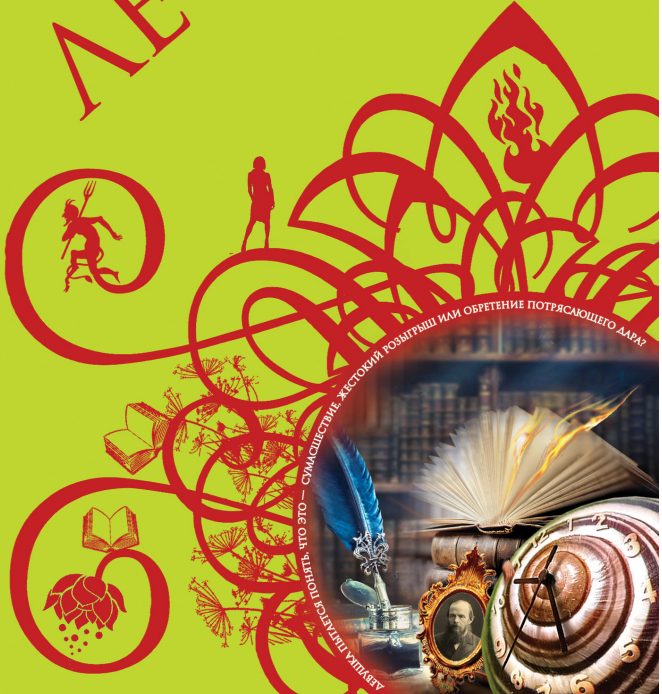

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ПЕПЕЛ КНИЖНЫХ
СТРАНИЦ

Антон Валерьевич Леонтьев
Пепел книжных страниц
Серия «Авантюрная мелодрама»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43804246

Пепел книжных страниц / Антон Леонтьев: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-106557-7

Аннотация

Получив «неуд» на экзамене по специальности, аспирантка Нина Арбенина не подозревала, что эта оценка коренным образом изменит ее жизнь. Зайдя в магазинчик «Книжный ковчег» поделиться своими бедами со знакомым продавцом, Нина, пройдя через странную дверь, неожиданно для себя оказалась в литературной вселенной – внутри романа «Братья Карамазовы»! Теперь, чтобы вернуться в привычную жизнь, Нине придется найти настоящего убийцу старика Карамазова. Романная реальность живет по своим законам, но ни один из братьев не виновен в зверском убийстве отца... Параллельно девушка пытается понять, что это – сумасшествие, жестокий розыгрыш или обретение потрясающего дара?

Антон Леонтьев

Пепел книжных страниц

Однажды написанные, книги более не нуждаются в своем авторе.

Италияязычный автор, чьи романы издаются под псевдонимом Элена Ферранте, в официальном заявлении на попытки раскрыть ее/его подлинную личность.

– Та-а-ак... – Профессорский тон не предвещал ничего хорошего, однако Нина уже была внутренне готова к предстоящей конфронтации. – *Та-а-ак...*

Вскинув голову и тряхнув длинными каштановыми волосами, собранными на затылке в «конский хвост», девушка прямо в лицо, с легким вызовом, посмотрела на восседающую перед ней экзаменационную комиссию.

Состояла комиссия в тот самый длинный день года из четырех человек, однако тон в ней задавал, бесспорно, именно он – Борис Егорович Штык, академик, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой и бывший декан.

Вообще-то комиссия, которая принимала у нее кандидатский минимум по литературоведению, должна была состоять из *пяти* членов, однако ее научного руководителя, главного недруга профессора Штыка, в начале недели доставили в областную больницу с гипертоническим кризом. Конечно, имелась возможность дождаться его выписки, которая, впрочем, грозила затянуться, что с учетом скорых летних каникул привело бы к неминуемому сдвигу сдачи кандидатского минимума на осень.

Поэтому Нина, навестив научного руководителя в больнице, заверила, что согласна сдавать экзамен в его отсутствие,

прекрасно понимая, что целиком и полностью отдает себя во власть профессора Штыка, который уже несколько десятков лет не ладил с ее научным руководителем, а по инерции и со всеми его студентами, аспирантами и докторантами.

Однако Нина редко сомневалась в собственных силах, да и время поджимало: она не хотела отклоняться от поставленного перед самой собой графика по написанию диссертации и сдаче сопутствующих экзаменов.

Штык так Штык – ведь вынужден же он был поставить ей тогда, на третьем курсе, когда она сдавала ему курс «Анализ художественной структуры произведения», четверку – это была в ее дипломе *единственная* четверка, хотя и пытался всеми силами завалить ее полностью, задавая наиковарнейшие вопросы.

А четверка у Штыка – это как десять пятерок у иных преподавателей. Пятерку у него, по слухам, за все время преподавательской деятельности Штыка получил только один человек, да и тот, согласно жуткой легенде, в ту же ночь скончался в возрасте двадцати лет от инсульта, вызванного невероятным умственным перенапряжением.

Четверок Штык ставил в год не больше одной или двух, а до того, как Нина получила свою, он в течение нескольких лет раздавал в качестве высшей оценки исключительно тройки, отправляя не менее половины студентов прямиком на пересдачу.

Нина, примостившаяся на скрипящем стуле с жестким си-

днем, посмотрела в глаза профессору Штыку – и чего все так боятся этого тщедушного, сутулого, какого-то даже ссохшегося лысого типа, в самом деле похожего на заржавленный штык, облачавшегося всегда в черный костюм-тройку и меняя только нелепые разноцветные «бабочки» на морщинистой кадыкастой шее.

– *Та-а-ак*, – протянул Штык в третий раз свое любимое словечко, от которого на экзаменах уже случались обмороки и истерики, блеснув стеклами очков без оправы, и уставился на Нину.

Девушка же, вцепившись обеими руками в деревянное сиденье неудобного стула, продолжала смотреть в лицо профессора, который – и она в этом не сомневалась – был настроен к ней крайне недружелюбно.

Крайне.

Всем было отлично известно, что Штык обожал играть в «гляделки» со своими жертвами, заставляя их рано или поздно отводить взор – и тем самым признавать свое поражение. А доставлять подобное удовольствие этому малоприятному субъекту, который, надо признать, являлся самым квалифицированным преподавателем в их регионе, она явно *не намеревалась*.

Игра в «гляделки» продолжалась, и когда молчание подошло к концу...

– Итак, Арбенина, вы развили крайне интересную теорию! *Крайне интересную!* Не могли бы вы ее аргументиро-

ванно разъяснить?

Штык принципиально всех, кто был ниже его, называл на «вы» и по фамилии. А она, обыкновенная аспирантка, к тому же аспирантка его заклятого врага, была намного ниже.

Намного.

– Разумеется, могу, – произнесла с легкой улыбкой Нина, чувствуя, однако, что сердце у нее куда-то ухнуло. Главное, не показать, что она паникует. А она не паниковала.

Ну, может, *самую малость*.

Отчасти она сама виновата, что после сложных и комплексных вопросов по школам в мировой и отечественной теории литературы, по художественному методу и литературно-художественному образу, которые она, несмотря на все попытки Штыка сбить ее с толку, парировала не просто достойно, но, как она уяснила по одобрительным кивкам прочих членов экзаменационной комиссии, в ее словесное противостояние со Штыком почти не вмешивавшихся, *с блеском*, решила, что опасность миновала. И когда разговор свернул на проблематику категории жанра, решила на неожиданном примере продемонстрировать правоту своих тезисов.

И стала развивать ту самую теорию, которую услышала от своего знакомого библиографа, владельца чудного книжного магазинчика, в котором Нина уже много лет была постоянным посетителем.

Кашлянув, девушка принялась излагать свою мысль, точ-

нее, мысль своего знакомого-библиографа, которая когда-то поразила ее и с которой она, быть может, и не была согласна, во всяком случае, которая, однако, наглядно иллюстрировала ее точку зрения.

Однако Штык, не дав ей сказать и нескольких предложений, властно прервал ее:

– То, что вы говорите, Арбенина, *чушь!* Причем чушь редкостная и на редкость дистиллированная.

Члены экзаменационной комиссии снова закивали, на сей раз поддерживая правоту своего коллеги.

Нина, закусив губу и продолжая смотреть в глаза Штыку (игра в «гляделки» длилась уже не меньше пяти минут и давно перешла границы дозволенного и нормального), снова тряхнув волосами, упрямо произнесла:

– *Чушь* – это отметить чужую точку зрения только на том основании, что она не согласовывается с собственными устоями. Причем, и в этом вы абсолютно правы, чушь редкостная и дистиллированная. Можно сказать, *высокоградусная!*

Пожалуй, не стоило ей говорить подобное, потому что страсть профессора Штыка к крепким алкогольным напиткам была общеизвестна.

Однако ее, как ни крути, *некорректное* высказывание привело к тому, что Штык, обычно прекрасно владевший собой, на мгновение растерялся, его глаза за стеклами очков заматались туда-сюда, и он *отвел взгляд*.

Мгновением позже он опять вперился ей взором в лицо,

однако – и это было понятно и ему самому – было уже поздно. Он проиграл, а она одержала победу.

Такого со Штыком раньше никогда не происходило.

Нина шумно вздохнула и разжала руки, которыми сжимала деревянное сиденье.

Победа за ней! Она не просто «умыла» Штыка, но и заставила его отвести взор.

О ней теперь наверняка будут слагать легенды.

На душе вдруг сделалось спокойно и уютно. Нина посмотрела через окно большой университетской аудитории на улицу – было восхитительное жаркое лето, и надо было наслаждаться жизнью, а не дуэлироваться взглядами с пожилым и *таким противным* профессором литературоведения.

Нина подумала о том, что сообщит Славику, своему молодому человеку, потрясающую весть о том, что Штык *был вынужден* впервые в жизни поставить на кандидатском экзамене пятерку.

И кому – ей, аспирантке своего *врага!*

Штык, нервно дернувшись, запустил длинный когтистый палец за воротник, сверкнул стеклами очков и проскрипел:

– Значит, вы на полном серьезе утверждаете, что величайшее произведение мировой литературы о метаниях человеческой души, о мытарствах тела и боязни прекращения физического существования, «Смерть Ивана Ильича» гения Льва Николаевича Толстого, можно рассматривать как... *детектив?*

Последнее слово он даже не произнес, а буквально *выплюнул*, причем с намеренно уничижительной, гадко звучащей двойной мягкой «е».

Нина, мягко улыбнувшись, чувствуя, что все небывалое напряжение с нее спало и что страх перед Штыком исчез, уступив место желанию вести занятный литературоведческий диспут *на равных*, взглянув на одного из насупившихся членов экзаменационной комиссии, произнесла:

– Мы же ведем речь о проблематике жанра, не так ли, Борис Егорович? И весь вопрос не в том, к какому жанру принадлежит то или иное произведение, причем принадлежит по мнению того или иного маститого критика или общественности, и даже не в том, к какому жанру причисляет свое произведение *сам автор*, а в том, какую жизнь ведет это произведение, являющееся своего рода отдельным космосом, собственной Вселенной со своими законами, но и со своими противоречиями. А так как литературные произведения являются отражением бытия, то, как и в реальной жизни, в выдуманном мире нет линейного развития и четких границ. И зачастую то, что не видно на первый взгляд или вообще не видно, и является определяющим.

Штык, уткнувшись взором в стол, видимо, переживая свое неожиданное поражение в игре в «гляделки», ничего не говорил, зато голос подал один из членов комиссии:

– Но как это заставило считать, что «Смерть Ивана Ильича» – это детектив?

В отличие от Штыка он произнес последнее слово с двойным твердым «е».

Нина, переведя на него взор, сказала:

– Я не хочу сказать, что это детектив, во всяком случае, *только* детектив, потому что в таком случае нам придется заняться вопросом дефиниции того, *что* такое детектив, а просто донести до вас мысль о том, что любое произведение можно прочесть по-разному. Комедию как драму. Драму как пасквиль. Пасквиль как автобиографию. Автобиографию как секс-роман. Секс-роман как покаяние. Покаяние как провокацию. Провокацию как комедию. Ну, или «Смерть Ивана Ильича» как *детектив!*

Штык, вскочив и уставившись ей опять в лицо, яростно закричал:

– *Та-а-ак...* Какой же это, Арбенина, детектив? Это все, что угодно! Философский трактат, «поток сознания», бытописание, история болезни, социальная драма, семейная трагедия, камерная пьеса, исповедь умирающего... Все, что угодно, но только *не детектив!*

Примерно так же Нина в свое время среагировала на слова своего приятеля библиографа Георгия Георгиевича, с которым любила за чаем с вкуснящим ежевичным пирогом вести литературные беседы, однако все зависело от точки зрения.

И от желанья увидеть в *обыденном* что-то *новое*.

– А разве одно противоречит другому? – сказала она, не смотря Штыку в лицо. Новую игру в «гляделки» она зате-

вать не намеревалась. – Ведь детектив – это и бытописание, и социальная драма, и сугубо семейная трагедия, и философский трактат, и «поток сознания»... Я просто стараюсь продемонстрировать, что границы жанра зачастую подвижны...

– «Смерть Ивана Ильича» *не* детектив! – отчеканил, тяжело дыша, Штык, а Нина, улыбнувшись, парировала:

– Повторюсь, ее *можно* прочесть и так. И пусть Лев Николаевич не работал над детективом, хотя *кто* может со сто процентной уверенностью заявлять об этом, и пусть литературные критики придерживаются иной точки зрения, однако произведение живет по *своим* законам, и их не определяет уже ни автор, ни эксперты, а только читатель! *И то не всегда...*

– Это *как?* – остолбенела единственная дама – член экзаменационной комиссии, однако Нина сочла за благо не излагать ей иную теорию библиографа Георгия Георгиевича, который уверял ее, что если каждое литературное произведение – это отдельный космос, то и живет этот космос по своим законам – и исключительно по ним, *безо всякого влияния извне.*

Как будто вовсе не о – пусть! – мирах говорил, однако однозначно *вымышленных*, а о *реально существующих* диковинных дальних планетах или параллельных вселенных.

Поэтому Нина ловко ушла от ответа на скользкий вопрос и вместо этого заметила:

– Ну смотрите, «Смерть Ивана Ильича» – это, по мне-

нию всех, глубинные размышления на тему жизни и смерти. Но любой детектив является *тем же самым!* «Смерть Ивана Ильича» принято, и я делаю упор на этом *принято*, считать вершиной литературного творчества Толстого, философскими размышлениями о бренности бытия и человеческих мытарствах. Но любой высококлассный детектив, опять же, именно *об этом!* Границы, снова повторяюсь, весьма и весьма зыбкие...

Штык, явно потеряв терпение, взвизгнул:

– Какой же это, к черту, *детектив!* Там что, у кого-то стащили бриллиантовое кольцо? Может, у вдовы Ивана Ильича на похоронах? Или, не исключено, он был шпионом вражеской державы, передававшим врагам отчизны секретные сведения из уездного суда, где имел несчастье служить? В конце концов, там нет того, без чего любой детектив не обходится: без *убийства!*

Чувствуя, что ее сердце трепещет от редкостной удачи, потому что своим замечанием Штык загнал сам себя в тупик, Нина произнесла то, что когда-то поведал ей библиограф Георгий Георгиевич:

– Так уж и *нет?* В этой повести Льва Николаевича есть труп – и это труп главного героя Ивана Ильича Головина, члена Судебной палаты, который в последнем предложении вытягивает в себя воздух, останавливается на половине вдоха и, потягиваясь, умирает 4 февраля года 1882-го. А кто вам сказал, что это не *убийство?*

В аудитории воцарилась полнейшая тишина, так что стало слышно, как надоедливая оса бьется о стекло.

– Верно, *никто*. О причинах странного заболевания Ивана Ильича, которое и послужило причиной его кончины, автор ничего конкретного не говорит. Медики пытались установить диагноз, однако сведений слишком мало. Все, что угодно, начиная от скоротечной формы рака и заканчивая тяжелой формой сердечной недостаточности. Можно, как делали поколения критиков, сказать, что вид заболевания неважен, важны глубинные размышления Ивана Ильича о жизни и смерти, которые этой таинственной болезнью провоцируются. Но ведь можно предположить, что Толстой *намеренно* не заостряет внимания на природе болезни, потому что это никакая не болезнь, а *убийство!*

Один из членов комиссии крикнул, а Штык зачастил, снова твердя, как заклинание:

– Чушь, чушь, *чушь!* Никакое это *не убийство!*

– Но откуда вы это знаете *наверняка*, Борис Егорович? – улыбнулась Нина. – Вы что, *лично* проводили вскрытие тела покойного Ивана Ильича Головина? Если это не убийство, то поставьте тогда точный диагноз!

– Точный диагноз неважен, речь идет не о физической немощи, а о душевных переживаниях, вызываемых ею и осознанием собственной близкой смерти... – заявил один из членов комиссии, и Нина улыбнулась и ему:

– Опять же, не отрицаю подобной возможности трактов-

ки, весьма классической, этой повести Толстого, но откуда вы, повторюсь, знаете *навверняка*? Ни вы, ни я при кончине не присутствовали, не так ли?

Штык, жадно осушив бокал воды, заботливо поданный ему единственной дамой-экзаменаторшей, уже несколько спокойнее гаркнул:

– *Та-а-ак*, пусть, так и быть, Арбенина, это детектив. И пусть убийство! Но *кто* убил? И *почему*? Это же, повторяю, *чушь!*

Нина ответила:

– Не более чушь, чем все остальное. Только по той причине, что сто тридцать девять высоколобых литературных критиков трактуют это так-то и так-то, это *не значит*, что они правы. Идолы ложных авторитетов, как сказал бы философ Бэкон...

Штык, обожавший ссылку на идола ложных авторитетов Бэкона, брякнулся на стул.

Девушка же, ощущая, что это не просто победа, а триумф, *полный и безоговорочный*, который не просто сделается университетской легендой, а войдет в анналы истории их города, продолжила:

– Чтобы узнать, кто убил и почему, надо провести расследование, причем не литературное, а совершенно обыденное, юридически-криминальное. С отпечатками пальцев, допросами свидетелей и подозреваемых, очными ставками и, конечно, токсикологическим анализом. Но для этого на-

до иметь возможность попасть в реальный мир написанной Толстым повести, что, конечно же, *маловероятно*. Но это и не требуется, потому что во всех прочих детективах перемещаться физически в читаемый роман не надо, автор ведь позаботился о том, чтобы там и сям раскидать улики и намеки. Так и в случае с Иваном Ильичом...

Так как возражений со стороны членов экзаменационной комиссии *уже* не последовало, Нина презентовала им то, о чем ей когда-то поведал библиограф Георгий Георгиевич:

– Если это убийство, а мы исходим из этого, то следует задаться вопросом: *кому выгодно*. И *кто мог его осуществить*? Убийца должен присутствовать в произведении изначально, хотя бы на заднем плане, хотя бы не принимая участия до поры до времени в основном действии. Но он, словно злой рок, довлеет надо всем. Конечно, в смерти, вернее, убийстве Ивана Ильича можно заподозрить его честолюбивых, желавших занять его должность судебных коллег. Сошедшую с ума прислугу. Дочку на выданье. Ее скользкого жениха. Наконец, сына-гимназиста, так сказать, *юного садиста*...

Один из членов комиссии издал хрюкающий смешок.

– Но в хорошем детективе, как и реальной жизни, зачастую все очень просто. *Очень*. Хотя и хорошо завуалировано. Например, как лицо безутешной глуповатой вдовы Ивана Ильича, Прасковьи Федоровны, на похоронах супруга...

На этот раз даже оса стихла, словно ожидая от Нины разъ-

яснений.

– Если умирает жена, то логично в первую очередь подозревать мужа. А если муж, то *жену*. Думаю, в случае Ивана Ильича это справедливо. Он – жертва своей пусть и недалекой, однако алчной и беспринципной супруги, которая «с душевным прискорбием» проинформировала в газетном объявлении с черным ободком равнодушную общественность о последовавшей кончине своего якобы «возлюбленного» супруга. Которой он надоел. Которая, к примеру, убедив Ивана Ильича застраховать свою жизнь на кругленькую сумму, решила, что стать вдовой, причем вдовой пусть и не первой молодости, но еще далеко не старой, не просто приятно, но и весьма *прибыльно*. Которая, думаю, получала большое удовольствие, наблюдая за медленной, но верной агонией супруга...

– *Та-а-ак*, это все инсинуации! – вяло заявил Штык, а Нина, согласно кивнув, ответила:

– Да, но не в большей степени, чем все эти высоколобые философские теории, которые многие литературоведы развивают в своих докторских...

Докторскую Штык защитил в свое время именно что по «Смерти Ивана Ильича».

– Кстати, меня давно занимал вопрос: не назвал ли Толстой супругу Ивана Ильича Прасковьей Федоровной в честь другой Прасковьи Федоровны, к которой у Грибоедова в «Горе от ума» зван во вторник на форели Фамусов? Или, мо-

жет, это *даже* ее мать, бабушка или двоюродная тетюшка? Или *троюродная*? *Интерференция повествовательных инстанций*, не так ли, Борис Егорович?

Борис Егорович, насупившись, молчал.

– Но *как* она его убила? – спросил не без интереса один из членов комиссии. – *Отравила*, что ли?

Нина снова кивнула.

– Думаю, да. Это наиболее логичное объяснение непонятной этиологии и, главное, не поддававшейся никакому лечению местным доктором болезни. Есть ряд ядов, как минеральных, так и растительных, которыми, пичкая жертву постепенно, можно вызвать медленное угасание, якобы от естественных причин. В конце концов, всегда можно впрыснуть опостылевшему мужу штаммы туберкулеза или раковые клетки, взятые у иного пациента, и спровоцировать тем самым скорую смерть...

– Но она *не могла* этого сделать! – произнес торжествующе Штык. – Она была обыкновенной провинциальной клушей, без медицинского образования, без навыков сиделки. Говорю же: *чушь!*

– Но всеми необходимыми навыками, познаниями и, что важнее, инструментарием и, главное, возможностью для осуществления своего inferнального плана обладал любовник супруги Ивана Ильича, его будущей веселой и, что важнее всего, более чем *состоятельной* вдовы.

– Любовник? – Штык, столь любивший доводить студен-

тов до обмороков, кажется, и сам был близок к оному. – Какой такой *любовник*?

– Самый обыкновенный. С которым у нее был тайный адюльтер и который, не исключено, и подбил эту, как вы верно заметили, провинциальную клушу на осуществление этого плана. Чтобы позднее самому жениться на богатой вдове и, не исключено, отправить ее саму вслед за Иваном Ильичом в царство теней при помощи яда или бацилл.

И, обедая взглядом вытарасившихся на нее присутствующих, Нина добавила:

– Я имею в виду лечащего врача Ивана Ильича, тамошнего доктора, то и дело мелькающего в повести на заднем плане (спрашивается: *для чего?*), который *вполне мог* инъецировать ему под видом лекарств все, что угодно. Причем буквально *все, что угодно*. Например, гремучую смесь токсинов. Этот доктор, как характеризовал его автор, «свежий, бодрый, жирный, веселый», чье имя-отчество – *Михаил Данилович* – упоминается только единожды, а фамилия не указывается и вовсе, пользовавший Ивана Ильича, и был любовником его супруги, а позднее вдовы. Разве не логично?

Штык едва ли не со слезами на глазах только и выдохнул:

– Чушь...

Нина с вызовом отметила:

– Не более чем все прочие теории. Опять же, чтобы узнать правду, надо, чтобы повесть Льва Николаевича стала реальностью и вы побывали в ней. А пока этого *не произошло*, все

теории, даже наиболее экзотичные, имеют право на существование и абсолютно равноправны. Вот и все, что я хотела сказать по поводу категоризации жанра...

Чувствуя себя отлично, Нина подошла к широкому окну, распахнула его и, выпуская на волю бившуюся о стекло осу, ощутила хлынувший теплый летний воздух.

Выходя из аудитории, Нина, мельком взглянув на съездившегося Штыка, ощутила даже некое подобие жалости к этому неприятному и напыщенному человеку.

– Ну что? – спросила подросевшая аспирантка, которой тоже предстояло сдавать экзамен. – Лютует?

Кто лютует, уточнять не требовалось – в виду имелся, конечно же, профессор Штык.

– Разделан. Под орех. *Штыком*... – ответила Нина, не удержавшись от каламбура.

А затем отправилась вниз, на улицу, чтобы купить на лотке бокал ледяного лимонада. Другие бы на ее месте, трясаясь от ужаса, стояли бы у стеночки, терпеливо ожидая вердикта экзаменационной комиссии, но Нина понимала, что ждать придется долго – Штыку потребуется целая вечность, чтобы...

Чтобы согласиться с мнением своих коллег и поставить ей *пять баллов*.

В очереди к лотку Нина написала по мобильному Славику, однако сообщения до него, судя по одной «галочке», даже не дошли: интересно, *дрыхнет*, что ли?

Славик, закончивший, как и она, местный университет, был технарем, тоже учился в аспирантуре, но, в отличие от Нины, особого внимания учебе не уделял, предпочитая заниматься интересными и столь выгодными заказами в компьютерной сфере.

Ну да, он же сказал, что его на целый день вызвала какая-то крутая фирма, у которых возникли *крутые* проблемы с базой данных. И что они встретятся вечером, не раньше восьми, в их любимой пиццерии.

При мысли о пицце в животе заурчало.

Поэтому Нина, осушив сразу два бокала пахнувшего абрикосом, с обильной желтой пеной лимонада и медленно вернувшись к аудитории, была весьма удивлена, заметив распахнутые двери и метавшуюся туда-сюда коллегу-аспирантку.

– Где же ты пропадала? Они тебя требуют! Господи, что будет, что будет...

– Нечто *небывалое* будет! – ответила Нина, спокойным шагом проходя в аудиторию и замирая около стула, сиротливо стоявшего напротив президиума с членами экзаменационной комиссии.

Не говорить же, что будет *первая* пятерка на экзаменационной комиссии, где председательствует Штык.

Тот, сидя как-то боком, даже не смотрел на Нину, а слово взяла единственная дама.

– Нина, вы поразили нас своими обширными знаниями,

в особенности в области альтернативной трактовки «Смерти Ивана Ильича». Поэтому мнение нашей комиссии единогласное.

В этот момент Штык вдруг вперил взор в лицо Нины, и та заметила торжествующую ухмылку.

– *Неудовлетворительно.* Однако у вас, как у отличного, по крайней мере, до сегодняшнего дня, зарекомендовавшего себя молодого ученого, есть шанс попытаться сдать экзамен еще один раз. В порядке исключения, хотя это регламентом и не предусмотрено. Однако уважаемый Борис Егорович убедил нас, что мы *должны* пойти вам навстречу и не разрушать в самом начале карьеру, которая, если вы откажетесь от тяги к низвержению авторитетов и безудержному фантазированию, может оказаться блестящей. И, конечно, пересдача состоится тогда, когда наш уважаемый коллега, ваш научный руководитель, выйдет из больницы...

Чувствуя, что у нее словно пол под ногами исчез, Нина ухватилась за спинку стула.

Как же так...

– Поэтому готовьтесь и не забивайте голову чушью. Увидимся в августе!

Штык уже откровенно усмехался, и на этот раз Нина отвела взор. Выходит, не только в «гляделки», но и в жизни, в *реальной* жизни, победил, как всегда, именно он.

Неловко повернувшись, кажется, даже и не попрощавшись, Нина побрела прочь из аудитории, оглушенная вестью

о том, что она в первый раз в своей жизни получила «пару».

Причем уверенная, что заслужила пятерку.

– *Та-а-ак*, зовите следующую фантастку! – раздался зычный голос Штыка, а кто-то вполголоса добавил:

– Думаете, наш уважаемый коллега скоро поправится?

И тот же Штык ехидно заметил:

– Будем все надеяться, что да. Если, конечно, злобный доктор, любовник его жены, не впрыснет ему какой-то там токсин!

Супруга научного руководителя Нины умерла *лет двадцать*, если не более, назад.

Та-а-ак...

Нина плохо помнила, что произошло дальше. Кажется, она, напрочь игнорируя вопросы бросившейся к ней «коллеги по несчастью», подобно зомби, побрела куда-то. Каким-то образом вышла на улицу и, как будто на автопилоте, пошла вверх по улице, от здания университета к набережной.

Там некоторое время сидела на скамейке под раскидистой липой, безучастно наблюдая за тем, как на набережной резвились дети, сопровождаемые родителями. Как сновали по реке туда-сюда моторные лодки. Как на противоположном берегу, на городском пляже, горожане вовсю наслаждались жарким летом.

А внутри царил холод. Нина все еще не могла поверить, что...

Что получила «пару». Более того, завалила кандидатский по специальности.

И проиграла, причем *всухую*, литературную партию в «гляделки» Штыку.

Похоже, *это* было ужаснее всего.

Просидев так какое-то время (она даже сама не могла сказать, прошло ли всего семь *минут* или семь *часов*), Нина поднялась, уселась в 124-ю маршрутку и поехала по знакомому адресу. И только поднявшись пешком на третий этаж и вставив в замок ключи, она вдруг поняла, что приехала на съемную квартиру Славика, напрочь забыв, что Славик до встречи в пиццерии вечером будет выполнять заказ на какой-то крутой фирме...

Но дверь уже открылась, и Нина намеревалась захлопнуть ее, как вдруг услышала странные стоны. Кажется, кому-то было плохо...

Ступая по ковровому покрытию, она двинулась вперед по коридору и, замерев в дверях спальни, поняла, что ошибалась. Нет, кому-то было вовсе не плохо, а *хорошо*. Даже *очень* хорошо.

А именно Славику и полной ширококостной коротковолосяй блондинке, в которой Нина распознала работницу отдела аспирантуры.

В самый неподходящий момент блондинка, скакавшая на Славику, подняла глаза – и, заметив Нину, дико завизжала.

Нина, чувствуя, что из глаз хлынули горячие едкие слезы,

повернулась, наткнулась локтем, причем крайне преобольно, на трельяж, заплакала еще сильнее и бросилась к двери.

– Нинуля, ласточка, стой! – донесся до нее тревожный голос Славика, который в чем мать родила бросился вслед за ней. – Ты не так все поняла!

Нина, заплакав от этих слов еще сильнее, бросилась по лестнице вниз, зацепилась ногой за ступеньку, кубарем покатила и, приземлившись на бетонный пролет, зарыдала во весь голос.

Славик, подоспев к ней, принялся нежно утешать – так, как это умел только он.

– Ну, понимаешь, это секс, *только секс*. Она для меня ничего не значит. А тебя, Нинуля, я люблю, причем знаешь как!

– *Как?* – произнесла, давась слезами, девушка и заметила работницу отдела аспирантуры, как и Славик, в чем мать родила, вышедшую за ним и протягивавшую ему трусы с мультяшными героями.

От этого Нина зарыдала во весь голос.

Славик принялся утешать ее, что-то шепча на ухо, целуя в шею, помогая ей подняться. Но Нине не хотелось подниматься – хотелось остаться сидеть на пролете лестницы, реветь и забыть обо всем.

Только не получалось.

– Ну, пойдем, чайку попьем... Нинуля, ласточка, ну, не надо так убиваться. Ты ведь вся с головой в учебе была, и я это всячески поддерживаю, а мне разрядка нужна. Ну, тут

она и подвернулась...

Ширококостная блондинистая она, ничуть не обидевшись на такие слова, тоже принялась утешать Нину, что было обиднее всего.

– Ну да, у нас только секс, вы поймите. Славик только о вас и говорит все время. Он вас так любит! Ну а то, что мы с ним разок-другой трахнулись... Парень-то он у вас симпатичный, язык у него подвешен хорошо. Господи, с кем он только не трахается...

Славик тотчас набросился на свою пассию, которая по простоте душевной выболтала то, что для ушей Нины, уже, так и быть, готовой простить, хотя бы *только на сегодня*, после всех пертурбаций, неверного друга, *явно* не предназначалось.

Горестно вздохнув, Нина, оставив Славика и его пассию выяснять отношения в подъезде в голем виде, поднялась и двинулась прочь.

Дверь подъезда распахнулась, вошел пожилой мужчина с овчаркой, имени которого она не знала, но которого видела часто и с которым всегда здоровалась, и наверху раздался резкий, словно выстрел, хлопок закрывшейся от порыва сквозняка квартирной двери.

– Дура, ты без ключа вышла? – раздался крик Славика. – *Как* мы теперь обратно попадем?

Нина, вручив пожилому соседу ключ от квартиры Славика, который ей больше не требовался, попросила отдать его

молодым людям на лестничной клетке.

– А каким именно молодым людям? – осведомился сосед. – Не хочется, чтобы ключ попал в чужие руки...

– Вы их ни с кем не спутаете. Они *абсолютно голые!* – ответила Нина и, пожелав остолбеневшему соседу хорошего дня, торопливо вышла из подъезда.

Но торопиться было особенно некуда. Иногородняя Нина обитала в общежитии около основного корпуса университета, но возвращаться туда у нее не было *ни малейшего желания.*

Слезы просохли, и она ощутила голод. Телефон завибрировал – это звонил Славик. Сбросив звонок, Нина отключила мобильный и задумалась. Самый долгий день года, казалось, заканчиваться не собирался.

Куда же ей податься?

Решение пришло само собой. Ну конечно, в «Книжный ковчег», магазинчик библиографа и библиофила, антиквара и краеведа Георгия Георгиевича.

«Книжный ковчег» располагался на одной из тихих центральных улочек, там, где еще сохранилась дореволюционная постройка, в трехэтажном желтом особнячке с затейливой лепниной и двумя небольшими дорическими колоннами у входа.

Сам Георгий Георгиевич после переезда в их городок больше тридцати лет назад, в том числе по причине своей

слепоты, нигде, за исключением своего книжного магазинчика, не работал, однако, кажется, от дальних родственников ему досталось изрядное наследство, в том числе и этот особнячок, который он давно мог бы продать местным нуворишам за более чем солидную сумму, однако никогда бы не сделал этого: тогда бы пришлось закрыть «Книжный ковчег», который, и это Нина знала *наверняка*, был смыслом жизни Георгия Георгиевича.

Тренькнул медный колокольчик, и Нина переступила порог магазинчика, сразу ощутив такой приятный и знакомый запах – старых книг, вибрировавшей от лучей вечернего солнца пыли, засохших цветов и дорогого табака.

«Книжный ковчег» оправдывал свое название – везде и всюду были книги: старые и древние, легкого жанра и философские трактаты, дорогие и дешевые. Стопки, штабеля, целые стеллажи книг, добраться до верхних полок которых можно было только при помощи особой приставной лестницы. Нина помнила, что как-то спросила Георгия Георгиевича, сколько же у него всего книг – и была поражена его ответом:

– На сегодня сто двадцать шесть тысяч восемьсот девять. Она-то имела в виду *примерное* количество, а он назвал ей *конкретное* число.

Георгий Георгиевич, массивный высокий мужчина, с окладистой и белоснежной, как у Деда Мороза, бородой, в стильных круглых темных очках, облаченный в свою люби-

мую цветную вязаную жилетку и истоптанные башмаки, передвигался в своем лабиринте так, как будто знал каждый закоулочек, каждый поворот, каждую стопку и каждую ступеньку, никогда ни на что не натыкаясь, не задевая и не спотыкаясь.

А ведь действительно *знал*.

Кажется, он крайне редко, только в безотлагательных случаях, покидал свой магазинчик, который простирался на двух первых этажах особняка. На третьем же обитал сам библиограф.

– Добрый вечер, Ниночка! – услышала девушка раскати-стый бас: способности Георгия Георгиевича узнавать ее то ли по звуку открываемой двери, то ли по звуку шагов, то ли по тому и по другому она уже давно удивляться перестала.

Появился и он сам, вынырнув из недр лабиринта стеллажей с несколькими книгами под мышкой и стопкой иных в руках. Нина знала, что предлагать помощь бессмысленно: Георгий Георгиевич все равно никогда бы ее не принял, да еще бы и *жутко* обиделся.

– Ага, мой последний на сегодня посетитель! Не могли бы вы, Ниночка, перевернуть вывеску на двери и закрыть ее изнутри? – попросил он, и Нина поступила, как было велено, бросив взгляд на старинные часы над прилавком.

Без одной минуты восемь – в это время она должна была встречаться со Славиком в пиццерии.

И поведать ему о своем триумфе при сдаче специальности

по кандидатской.

Положив маленькую стопку книг, которую держал в руках, на большую, находившуюся около него (причем проделав все без малейших колебаний и крайне грациозно), Георгий Георгиевич нахмурился и произнес:

– Так, Ниночка, что случилось?

– Ничего... – ответила та, вдруг хлюпнув носом, – обманывать Георгия Георгиевича не имело смысла.

И заплакала.

Конечно же, она *все* ему рассказала: на большой просторной кухне на третьем, обитаемом, этаже особнячка, где библиограф отпаивал ее душистым травяным чаем и потчевал пирогами, которые обожал и которые самолично пек в гигантских количествах.

Когда Нина наконец смолкла, Георгий Георгиевич произнес:

– Кстати, я ведь не говорил вам еще, что Штык лет тридцать с лишним назад, когда я только приехал сюда, какое-то, впрочем, весьма короткое время был моим лучшим другом...

Нина, поставив старинную фарфоровую чашку на такое же блюдечко, вздохнула:

– Вообще-то нет. Так, выходит, вы его знаете?

Библиограф, тоже вздохнув, ответил:

– Лучше бы не знал. Есть определенные причины, почему

он стал таким. Раньше он ведь был совершенно иным. Но...

Нине было любопытно, что же привело к тому, что профессор Штык превратился в подобного монстра, однако тактично решила, что задавать вопросы в лоб не имеет смысла: если Георгий Георгиевич сочтет нужным, то расскажет сам.

– Ну, с ним мы как-нибудь все уладим... – произнес он, подкладывая Нине на тарелочку кусок вишневого пирога.

Нина не понимала, как такое можно уладить: ее, влепив позорную «пару», отправили на еще более позорную передачу. Причем по милости Штыка, который *соблаговолил* закрыть глаза на ее идиотское поведение.

– Вы с ним поговорите? – произнесла отрывисто Нина. – Премного вам благодарна, но, думаю...

Библиограф поднял вверх указательный палец, увенчанный массивной печаткой.

– Не становитесь на дыбы, Ниночка. Понимаю, *не хотите*, чтобы Штык вам по милости, ну, или по причине моего вмешательства все-таки поставил хорошую оценку. Тем более, сами знаете, что выше тройки у него хороших оценок нет. Может, и поговорю, хотя последний раз мы говорили лет тридцать назад или даже больше...

Он замолчал, и Нина вдруг подумала, что все дело в женщине.

– В книге, Ниночка, *в книге!* – словно читая ее мысли, сказал Георгий Георгиевич. – Думаете, не понимаю, над чем задумались? Да, мы были друзьями, потом стали врагами, за-

тем вообще прекратили общение. И да, из-за особы женского полу. Из-за книги. Вернее, повести. Знаете, какой? «Смерть Ивана Ильича»!

Нина едва не поперхнулась пирогом, а библиограф продолжил:

– Как-нибудь я, быть может, расскажу эту историю. Но так и быть, я с ним поговорю. Вы свою заслуженную пятерку получите – без пересдачи. Штык изменит свое мнение...

– Не хочу, чтобы я по *его* милости...

– Не по *его* милости! – повысил голос владелец «Книжного ковчега», запуская пятерню в свою дедморозовскую бороду. – А потому что *заслужила*. И исключительно поэтому. И все эти его игры в «гляделки» я тоже прекрасно знаю, хоть и слепой... Я потребую с него старый должок, и Штык поставит вам пятерку...

Нина, понимая, что вообще-то надо благодарить Георгия Георгиевича, надулась. Конечно, он прав, и она и сама считает, что заслужила пятерку, но все равно будет выглядеть так, как будто библиограф не то *выпросит*, не то *выбьет* у Штыка для нее нужную оценку.

А этого она допустить не могла.

Да и *не хотела*.

– Я лучше на пересдачу пойду! – упрямо заявила девушка, и Георгий Георгиевич вздохнул.

– Упрямая вы девица, Ниночка, но это хорошо...

Почему это хорошо, Нина не понимала, но тоже считала,

что это *хорошо*.

– Ладно, этот вопрос мы в любом случае уладим, а как именно, давайте обсудим позднее. А вот что касается вашего молодого человека...

Нина холодно заявила:

– *Не* моего! Был, да сплыл!

Георгий Георгиевич, отпив чаю, заметил:

– Думаю, он вас действительно любит. Но и ходить на сторону любит *тоже*. Да, такой *нам* не нужен, *не нужен*. И вообще, в *нашей* профессии лучше быть волком-одиночкой!

– В *нашей* профессии? – переспросила, ничего не понимая, Нина, и Георгий Георгиевич безмятежно ответил:

– Я имею в виду профессию владельца «Книжного ковчега». Понимаю, момент может показаться вам крайне неподходящим, но вы потом поймете, что он как нельзя *кстати*. Потому что, Ниночка, я уйду на пенсию. Однако закрывать «Книжный ковчег» не намереваюсь. Более того, нельзя. Поэтому его новой владелицей станете *вы!*

Нина на этот раз все же поперхнулась пирогом, так, что библиографу пришлось долго колотить ее кулаком по спине.

– Извините, Ниночка, не хотел, чтобы так получилось. Все точно в порядке? Ну и прекрасно! Да, я уйду на пенсию, а магазин с особняком получаете вы. В полное и безвозвратное пользование. Я к вам за эти годы присмотрелся, вы – *идеальный кандидат*. Вы, Ниночка, та, кто мне нужна!

Он смолк, и Нина впервые за все это время вдруг поняла, что находится наедине с эксцентричным крепким пожилым мужчиной, о котором ничегошеньки, несмотря на многолетнее ежедневное общение, сводившееся исключительно к литературным темам, не знала.

Ничегошеньки.

И что именно имел он в виду, говоря, что *она ему нужна*? Девушке сделалось не по себе. Она в чужом доме – а *что, если...*

Ее взгляд упал на нож, которым разрезали пирог.

И вообще, что это за предложение такое – получить его магазин, более того, *особняк*! В обмен, собственно, на *что*?

Неужели на *услуги особого рода*?

– Ах, Ниночка, слышу, как вы глубоко задышали, боюсь, что не просто смутил, но и напугал вас своим предложением! Однако опасаться вам совершенно нечего!

Нина поняла, что это в самом деле смешно: Георгий Георгиевич был ее хорошим другом, опасаться которого было верхом глупости.

Однако, несмотря на все это: *что именно* он имел в виду?

– Наверное, вы все задаетесь вопросом, что же я имею в виду? А именно то, Ниночка, что и сказал. Вы – идеальный кандидат!

Кандидат на роль *кого*?

– Ну, налить вам еще чаю? Ну, успокойтесь, прошу вас! И не дрожите как осиновый лист. Просто ситуация следующая:

«Книжный ковчег» – дело всей моей жизни. А я, как сами понимаете, не молодею. Детей у меня нет, родственников, как близких, так, собственно, и дальних, тоже. И чтобы мое детище не умерло вместе со мной, мне нужен наследник. Ну, или *наследница!* Так что повторю в третий раз: вы, Ниночка, идеальный кандидат!

Девушка, снова взглянув на нож для пирога и быстро отведя взор (хорошо, что Георгий Георгиевич *не видел!*), откашлялась и произнесла:

– Я вам очень благодарна, но...

И замерла, потому что вдруг поняла: за этим «но» ничего не последует. Потому что предложение библиографа было, быть может, и странное, однако такое заманчивое.

Более того, такое логичное: собственно, *почему бы и нет?* «Книжный ковчег» давно стал ее домом, уж во всяком случае, в гораздо большей степени, чем ее комната в общежитии.

Или *съемная квартира Славика.*

Возникла пауза, и Георгий Георгиевич, погладив седую бороду, произнес:

– Ага, значит, аргументация на этом исчерпана, Ниночка? Из чего могу сделать вывод, что мое предложение вам небезынтересно.

– Но вы *ничего* обо мне не знаете! – выпалила девушка, на что библиограф ответил:

– Ну, вы обо мне, собственно, тоже *ничего*. Хотя в от-

ношении того, что ничего о вас не знаю, хочу возразить: мне прекрасно известны ваши литературные вкусы, а этого вполне достаточно, чтобы составить представление о человеке. Безоговорочно признаете первенство умерших в один день Шекспира и Сервантеса, но считаете англичанина, если он *вообще* существовал, гораздо важнее испанца, сомнений в чьем существовании нет. Преклоняетесь перед Львом Толстым, не понимаете шумихи вокруг Достоевского, любите Камю, считаете переоцененным Сартра, *во многом* переоцененным Брета Истона Эллиса и *абсолютно* переоцененным Мишеля Уэльбека, боитесь Кафки, но еще гораздо сильнее – Гоголя, любили, да разлюбили Габриэля Гарсиа Маркеса, как, впрочем, и Бориса Пастернака, чувствуете скрытую мощь Даниэля Кельмана, не выносите Томаса Пинчона, *активно* не выносите Генри Джеймса, Джеймса Джойса и Джойса Кэри. Благоговеете перед Набоковым, плачете с Золя, смеетесь над Пелевиным, равнодушны к Томасу и Генриху Маннам, Уильяму Фолкнеру и Джонатану Франзену. Обожаете перечитывать на досуге Стивенсона и Конан Дойля, восторгаетесь Агатой Кристи, тайно почитаете Джоан Роулинг... Разве этого недостаточно, чтобы понять, *что* вы за человек?

Чувствуя, что краснеет, Нина быстро произнесла:

– И этого достаточно, чтобы вы решили... передать мне свой книжный магазин и... *особняк*? И кстати, если вы уйдете на пенсию и не будете здесь больше работать, то *где* вы

намереваетесь жить?

И опять мелькнула шальная мысль – неужели Георгий Георгиевич, тряхнув сединой, узнав, что она рассталась с другом, решит вдруг сделать ей предложение руки и сердца – и предложит жить в особняке *вместе*?

– Ниночка, опасаться вам совершенно нечего! И магазин, и особняк будут в вашем полном распоряжении. Я же, уйдя на пенсию, уеду туда, откуда приехал сюда...

Нина не сдавалась, так как ответы библиографа были какими-то расплывчатыми.

– Кругосветное путешествие? Но даже самая долгая поездка рано или поздно закончится, и вы вернетесь домой...

Георгий Георгиевич, усмехнувшись в бороду, заметил:

– Ну, быть может, я сейчас нахожусь в путешествии и, выйдя на пенсию, вернусь домой... Но, повторяю, беспокоиться вам решительно не о чем!

Легко так говорить!

Поднявшись из-за стола, девушка прошла по кухне, отметив, что за окнами наконец стала постепенно сгущаться поздняя июньская темнота. *Пора домой.*

Хотя, если принять предложение Георгия Георгиевича, это и есть *ее дом*...

– Но подобная... *рокировка* вызовет вопросы.

– *Не* вызовет.

– Но ваши родственники могут заявить протест...

– У меня *нет* родственников.

– Но вам же куда-то надо будет рано или поздно вернуться, а тут обосновалась я...

– Я *не* вернусь.

– И вообще, я не знаю, что мне тут делать.

– Знаете. А то, что не знаете, *скоро узнаете*.

Его было решительно не пронять – какой бы аргумент она ни использовала, у Георгия Георгиевича на все был заранее заготовлен ответ.

Наконец девушка произнесла:

– Но вы же понимаете, что я элементарно *не могу* принять такой подарок.

– Можете, Ниночка. И это не подарок.

Вот оно!

– А что же тогда?

Библиограф, подложив себе еще пирога, ответил:

– Ваша новая жизнь. Ваша профессия, Ниночка. И, помимо того, то, что принято именовать *призванием*...

И добавил:

– Только не говорите, что вам не доставит удовольствия тут работать...

О, в этом он был, конечно же, прав! «Книжный ковчег» в качестве места работы, более того, места обитания – это было так...

Так *круто!*

Не желая давать окончательного ответа (хотя так хотелось во все горло крикнуть: «О да!»), Нина спросила:

– А что означает, что вы... не вернетесь? Вы что, уедете *так далеко*? Или переедете в другое место?

Библиограф, усмехнувшись, заявил:

– Можно и так сказать. Да, пожалуй, так сказать даже *нужно*.

– А куда?

В этот момент старинные часы, крикнув, стали бить девять вечера, после чего раздалось шипение и вылетела механическая кукушка, сипло выполняя свою хронофункцию.

Георгий Георгиевич, то ли забыв о ее вопросе, то ли отлично помнив о нем, но не желая отвечать, произнес:

– Ну так как, Ниночка, *вы согласны*?

Девушке пришла в голову мысль о том, что, если любое произведение можно прочитать по-разному: и как драму, и как сатиру, и как пародию, и как детектив, то и любую жизненную ситуацию тоже можно рассматривать одновременно под различными углами.

И то, что внушает трепет, может обернуться насмешкой. То, что изумляет, – оказаться обыденностью. А то, на что не обращаешь внимания, вдруг перевоплотится в чудо.

– Вы словно кот в мешке продаете, – произнесла девушка и вздохнула. – Мне что, надо дать ответ прямо *сейчас*?

Георгий Георгиевич ответил:

– А разве что-то препятствует этому? Кроме того, я отчего-то не сомневаюсь, что вы уже знаете ответ на мой вопрос, Ниночка!

– И все же мне надо подумать... И взвесить все «за» и «против». И посоветоваться с родителями. И уладить кое-какие дела...

– Нет, Ниночка, ничего этого не надо! Жизнь – это как книга. Просто переверните страницу, начните читать новую главу – и все окажется совершенно иначе, чем вы ожидали.

Девушка с сомнением посмотрела на библиографа.

– И все же я так не могу. Понимаете, мне ведь надо разрешить проблему с... экзаменом по специальности. А потом, если все будет хорошо, защитить диссертацию. Продолжить научную карьеру...

Хотя о карьере в родном университете, похоже, можно было *забыть*.

– Ниночка, вы уверены, что вам это действительно *надо*? Ну ладно, я торопить вас отнюдь не намерен...

Поднявшись, он вышел из кухни, оставив Нину размышлять. Девушку так и подмывало ответить согласием, однако она в итоге так и не имела четкого представления, на что решается.

И главное, *почему*.

– Георгий Георгиевич! – позвала она, однако ответа не получила.

Девушка, повторив имя библиографа, вышла из кухни и замерла перед чугунной винтовой лестницей, уводившей из жилого помещения вниз, в книжный магазин.

– Георгий Георгиевич!

В этот момент позади нее послышался хлопок, и, в испуге обернувшись, девушка заметила выпавший с высоченной книжной полки потрепанный том в темно-синем переплете.

Повернувшись, девушка подняла книгу, раскрыла ее. «Братья Карамазовы» Достоевского, которого, и в этом Георгий Георгиевич был прав, она не особо жаловала. То ли дело Лев Толстой!

Нина осторожно поставила книгу на полку, удивляясь тому, как роман вообще мог оттуда выпасть – книги были плотно пригнаны друг к другу.

– Георгий Георгиевич!

И снова хлопок за спиной. Девушка, на этот раз подпрыгнув от ужаса, заметила, что *та же самая книга* лежит на том же самом месте на полу, под полкой.

Хотя она всего несколько секунд назад поставила «Братьев Карамазовых» на место – и оттуда она могла выпасть только в том случае, если кто-то вынул ее и бросил на пол.

Только никого в коридоре, кроме нее самой, не было.

Ощущая, что у нее по телу побежали мурашки, Нина снова подняла книгу и попыталась поставить на место. И вдруг заметила, что у полки, где стояли «Братья Карамазовы», а также добрая дюжина прочих книг, не было задней стенки.

Ну конечно, книгу мог бросить на пол кто-то, стоявший перед полкой, или вытолкнуть ее с *противоположной* стороны, что с учетом отсутствия задней стенки было пустяковым

делом.

Внезапно поняв, что книжная полка была, помимо всего прочего, хорошо замаскированной дверью, Нина не без опаски просунула руку в зазор между фолиантов, нащупала некое подобие рычажка, потянула его вниз – и полка бесшумно отошла от стены.

Обнажая небольшой порожек, за которым была дверь – самая обычная, деревянная, с местами облупившейся темно-синей краской и массивной, в форме разинутой пасти льва, ручкой.

Поколебавшись, Нина постучала в дверь и громко произнесла:

– Георгий Георгиевич? Вы ведь там?

Отчего-то она не сомневалась, что библиограф, выйдя из кухни, скрылся именно здесь.

Ответа не последовало. Нина постучала в дверь еще раз, а потом осторожно положила руку на ручку, не зная, как поступить.

Он ведь был прав: она о нем *ничего не знала*.

На ум вдруг пришла зловещая сказка о Синей Бороде и его любопытных женах, которые открывали в замке не те двери.

Насколько она была в курсе, Георгий Георгиевич никогда не была женат.

Вот именно: *насколько она была в курсе*.

Интересно, а дверь в замке Синей Бороды тоже была си-

няя?

Девушка не сомневалась, что дверь закрыта – и вдруг обратила внимание на то, что с внешней стороны не было замочной скважины. Она уже хотела отпустить ручку, однако дверь вдруг легко скрипнула и приоткрылась.

– Георгий Георгиевич? Если вы здесь, то хочу сказать, что это меня пугает. Выходите, пожалуйста!

За спиной Нины вновь раздался хлопок – и, резко обернувшись, она увидела уже знакомую ей книгу, на этот раз лежавшую всего в нескольких от нее сантиметрах.

Если ее кто-то и швырнул сюда, в тайный проход, то только тот, кто находился по другую сторону книжной полки.

Поэтому ее спасение было впереди. Нина толкнула дверь – и вдруг поняла, что впереди ничего нет. Хотя нет, она ошибалась, что-то там было: крошечная темнота, похожая на большую нору.

Или *западню*?

Подхватив «Братьев Карамазовых» (иного оружия под рукой не было), Нина ступила в эту тьму. Она ощутила под ногами твердый пол, облегченно вздохнула, ступила дальше – и вдруг поняла, что куда-то падает, словно в кроличью (или *кротовую*?) нору, и...

...и, раскрыв глаза, Нина уставилась в потолок. Сердце стучало гулко-гулко. Тьма, обступившая ее, вдруг исчезла, уступив место рассеянным лучам солнечного света, падав-

шим откуда-то сбоку. Переведя взор вниз, Нина увидела, что стоит на кирпичном полу, – и как она вообще могла вообразить, что куда-то падает?

Неужели *оптическая иллюзия*?

К груди она прижимала все то же старое издание «Братьев Карамазовых». Подняв голову, Нина заметила, что свет проникает сквозь мутное, затянутое окошко подвала. Странно: если она открыла дверь потайного хода на третьем этаже особняка Георгия Георгиевича, то как могла очутиться в подвале?

Точно: *оптическая иллюзия!*

Но, судя по доносившимся с улицы через неплотно прикрытое окошко звукам, это была *не иллюзия*. Нина обвела взором место, в котором очутилась, и вдруг поняла, что это весьма обширный подвал, забитый старой мебелью, а также ящиками с книгами.

Девушка, ничего не понимая, обернулась, желая выйти обратно через темно-синюю дверь в особняк библиографа, но, к своему ужасу, вдруг обнаружила за спиной *массивную кирпичную кладку*.

Этого просто не может быть!

Уставившись на стену, Нина дотронулась до нее, пытаясь отыскать какой-нибудь рычажок или кнопку – но ничего подобного там не было и в помине.

Стена была шершавая, твердая и самая что ни на есть настоящая.

Беспомощно обернувшись в поисках того прохода, из которого попала в этот подвал, Нина убедилась в том, что никакой темно-синей двери поблизости элементарно нет.

Запаниковав, девушка прижала к груди «Братьев Карамазовых» и, еле сдерживая слезы, принялась локтем стучать по каменной кладке, надеясь, что та поддастся и откроет доступ к двери, из которой она пришла.

И только через несколько минут бесплодных усилий до нее дошло, что этого не случится, потому как никакой двери за ее спиной не было и быть не могло. Только сбоку мутное оконце, а там, за этим оконцем, похоже, утро или день – во всяком случае, не сумерки, а ведь она сама видела из окна кухни Георгия Георгиевича, что быстро темнело.

И это было от силы десять минут назад, вероятнее, *даже и того меньше...*

Девушка, бросившись в сторону, принялась искать выход. И так, неужели все это игра воображения и библиограф что-то подмешал ей в чай или, быть может, *в вишневый пирог?*

С ее стороны двери внезапно Нина увидела дверь на другом конце подвала – правда, не прямоугольную, а в виде арки, и не деревянную, а из кованого железа. И не с пастью льва в виде ручки, а большим металлическим кольцом.

Но какая разница, как выглядела эта дверь, главное, что это была *дверь!* Возможно, с обратной стороны дверь была иной, но даже если это и так, то все равно не объясняло, как

Нина, войдя через нее в этот странный подвал, могла вдруг оказаться на расстоянии многих метров от нее?

Но все эти вопросы были второстепенны. Чувствуя, что паника проходит и она успокаивается, девушка быстрым шагом подошла к двери и, по-прежнему прижимая к груди «Братьев Карамазовых», потянула металлическое кольцо.

Дверь не поддавалась.

Чувствуя, что приходит в ужас, Нина потянула ее снова и внезапно поняла, что дверь надо толкнуть, что она и сделала.

И перед ней внезапно открылась небывалая картинка: облаченная в старинное, явно по моде XIX века, дама, опирающаяся на массивный зонтик, с рыжим мальчиком в матросском костюмчике стоят перед высокой книжной полкой и что-то рассматривают. А около них замер невысокий субчик в сюртуке, опять же, по старинной моде.

– Разрешу предложить вниманию милостивой государыни еще и сие столичное издание, которое, как смеют надеяться, пробудит ваш интерес...

Благо, что взрослые стояли к ней спиной и не видели того, как за ними приоткрылась дверь. Зато рыжий мальчишка в матросском костюмчике, стоявший к полке боком, вдруг повернулся в ее сторону и во все глаза уставился на Нину.

А затем показал малиновый язык.

Девушка моментально захлопнула дверь и дрожащими руками задвинула небольшой засов – на тот случай, если эти странные личности вдруг решат прорваться в подвал, в ко-

тором она имела несчастье находиться.

Однако никто и не думал ее преследовать, но лучше от этого не было.

Затравленно обернувшись, Нина стала раздумывать над тем, как выбраться из этого странного места.

Не пытаясь даже размышлять над тем, что это было за странное место.

Очень странное.

Она обнаружила еще одну дверь, которая, судя по всему, выводила наружу, однако та была заперта. Взор Нины устремился на приоткрытое оконце.

Через несколько минут, поставив под окно колченогий стул, выглядевший более-менее надежным, который она отыскала в гряде старой мебели и, стараясь производить как можно меньше шума, извлекла оттуда, вытащила из-под груды ему подобных, Нина взгромоздилась на него и при помощи «Братьев Карамазовых» отвела в сторону створку мутного запыленного оконца.

Решетки снаружи не было.

Нина увидела грязные колеса большой телеги, медленно проезжавшей мимо, и услышала чей-то гундосый голос:

– ... с пяток поросят. Однако и курей с дюжину тоже будет неплохо. А вот сват мне давеча рассказывал, что у них в Мокром...

Нина быстро соскочила со стула, боясь, что ее заметят те, кто вел речь о поросятах и курах, однако ее страхи оказались

напрасны: никто ее не заметил.

Колеса телеги исчезли, воцарилась тишина. Нина, снова поднявшись на стул, осторожно выглянула из оконца – и поняла, что смотрит на сельскую улицу, на которой стоят каменные и деревянные дома.

Делать было нечего – покинуть подвал она могла только единственным способом: *протиснувшись сквозь оконце*, вылезти наружу.

Хоть и низкое, оконце было широким, так что Нине не составило труда просунуть в него и голову, и плечи. Наверняка то, как она вылезает из *чужого* подвала, привлекло внимание прохожих, но тех, к счастью, рядом не было. Откуда-то сбоку слышались обрывки речи, смех, собачье тьяканье.

Вдруг Нина услышала рычание – и заметила около себя небольшую черно-белую шавку, которая, оскалив пасть, застыла в угрожающей позе.

– Ну, уходи! – приказала ей Нина, но шавка, и не думая подчиняться ее приказанию, принялась наскакивать на девушку, пытавшуюся покинуть столь нетривиальным образом подвал, и даже желая ее укусить.

Схватив «Братьев Карамазовых», которые она положила около наружной стены подвала, Нина легонько ударила томом шавку по носу. Та, жалобно заскулив, убежала прочь, оставив ее наконец в покое.

Изловчившись, Нина наконец вытащила ноги из оконца, быстро вскочила, обернулась – и поняла, что вовремя. Пото-

му что из-за угла выехали дрожки, на козлах которых восседал крайне тучный монах.

Заметив Нину, он усталился на нее, а потом, плюнув, перекрестился и изрек:

– Дочь моя, ни стыда, ни совести! Совсем вы, губернские, во грехе погрязли!

Обдав ее пылью, дрожки прогрохотали мимо, и Нина, пожав плечами, осмотрелась по сторонам.

То, что она увидела, вселило в нее уныние. Нет, городок – а речь могла идти только о небольшом провинциальном городке – был занятным, даже в чем-то красивым и таким тоскливо-ностальгическим: золотые купола церквушек, старинные каменные дома, на крышах которых важно восседало воронье, покосившиеся деревянные избы.

Но это был *не тот* город, в котором она жила и училась в университете! Какой угодно, но только *не тот*.

Нина пребольно ущипнула себя за мочку уха, а затем наступила носком туфли себе же на ногу. Если она спит, то пора проснуться.

Но, судя по тому, как палило жаркое солнце и что вокруг нее жужжали шмели, это был вовсе не сон.

Но только *что*?

То, что у них в городе не было подобной улицы, Нина не сомневалась: но тогда *где* она находилась?

И *как* она тут очутилась?

Все это походило на декорации фильма о купеческой жиз-

ни, на экранизацию пьесы Островского прямо-таки.

Только это была никакая не декорация – в этом Нина убедилась, осторожно повернув за угол и увидев неровный ряд домов, уходивших чуть под углом куда-то вниз, где виднелся нарядный портал большой церкви.

Повернувшись, Нина заметила большую вывеску витиеватым шрифтом в дореволюционной орфографии: «*Книжный ковчегъ*». Так и есть, магазинчик Георгия Георгиевича – только это был совсем *не его* магазинчик и уж точно *не его* особняк. Здание было двухэтажное, каменное, приземистое, без колонн и финтифлюшек.

Дверь книжной лавки распахнулась, оттуда величаво вышла уже знакомая дама, опираясь на зонтик, словно на трость, ведя за руку вихрастого рыжеволосого мальчугана в матросском костюмчике, радостно прижимавшего к груди *заветную*, видимо, книжку.

Их поклонами провожал все тот же субъект с жидкими усиками и в сюртуке.

– Милостивая государыня, премного вам благодарен. Вы – самый желанный гость в нашей книжной лавке...

Мальчуган, посмотрев на Нину, снова показал ей малиновый язык. Девушка, на этот раз не растерявшись, показала ему язык в ответ. Ребенок остолбенел.

Пока приказчик «Книжного ковчега» помогал даме с ее отпрыском усесться в подозванную им пролетку, Нина прошмыгнула мимо и свернула на соседнюю улицу.

И едва не столкнулась лицом к лицу с невысоким молодым человеком с несколько потрепанным, хотя и привлекательным, лицом, который, сдвинув на затылок шляпу, присвистнул и произнес:

– Ах, мамзель, какая вы необычная! Фраппировали меня аж до сердечных колик!

И несколько театрально схватился за грудь, правда, отчего-то с *правой* стороны.

А затем молодой нахал вдруг прижал к себе Нину и зашептал:

– Ты ведь у мадам Зинаиды новенькая? Она говорила о какой-то знойной столичной штучке, которая должна вот-вот прикатить.

Он ущипнул ее за бок, а Нина, возмущившись, треснула наглеца по уху «Братьями Карамазовыми».

– Мамзель, за что? – изумился он, а Нина твердо ответила:

– Думаю, сами прекрасно знаете. *Так* себя с дамами не ведут!

Явно проникнувшись к ней уважением, субъект уже не столь развязно произнес:

– Ах, не хотел вас обидеть, мадемуазель. И если ошибся, то раскаиваюсь до сердечных колик... Но ведь я прав, вы в нашем милом городке приезжая?

Не давая субъекту заболтать себя, Нина осторожно сказала:

– Да, прибыла вот... Только что...

– А где остановились? – продолжил субъект, явно с ней заигрывая. – В меблированных у Феофанова? Или в «Каргополе»? Могу рекомендовать вам отличный пансион, правда, несколько *иного* рода, однако уверен, что вам понравится...

Он скабрёзно хихикнул, а Нина его прервала:

– Спасибо, я уже остановилась у родственников...

– Мамзель, могу ли я, сгорая от сердечных колик, узнать, у каких? Быть может, я имею честь знать ваших любезных родичей?

Прижимая к груди роман Достоевского, Нина быстро произнесла первую фамилию, которая пришла ей на ум:

– У Карамазовых...

Приставучий франт просиял и заявил:

– А, у старика Федора Павловича? Вы, верно, будете кузина Дмитрия Федоровича, моего лучшего друга? Он вам разве обо мне не рассказывал? Кривошеин Родион Романович к вашим услугам!

– Родион Романович? – произнесла сбита с толку Нина: у субъекта было *то же самое* имя и отчество, что и у Раскольникова.

Неверно интерпретировав ее вопрос, знакомец просюсюкал:

– Но для вас только Родя...

Тряхнув головой, Нина заявила:

– Не водите меня за нос! Скажите, это что-то наподо-

бие гигантского розыгрыша? Какая-то «скрытая камера» или что-то в этом роде?

Родя, уставившись на нее, глуповатым тоном произнес:

– Розыгрыш? «Скрытая камера»? О, вы крайне образованная барышня! Наверняка воспитанница покойной генеральши Вороховой. А позвольте поинтересоваться: вы кузина Дмитрию Федоровичу со стороны Миусовых или Ивану Федоровичу со стороны их матушки, Софьи Ивановны?

Нина громко произнесла:

– Вы что, тестируете меня на знание романа? Да, я его, как и все мы, читала, хотя Достоевского, при всей его значимости для мировой литературы, не особо жалую.

Знакомец Родя, растерявшись окончательно (и вмиг растеряв всю свою спесь), проямлил:

– Господина Достоевского знать не имею чести. А вы, стало быть, с ним в родстве?

– А что, разве не видно? – ответила Нина, и Родя окончательно сник.

– А о каком романе вы ведете речь?

– Да об *этом* же! – воскликнула Нина и сунула Роде под нос «Братьев Карамазовых».

Молодой человек, взяв книгу, пролистал ее, и Нина вдруг увидела *пустые белые страницы*.

– Боюсь, вы всучили мне не то, что хотели. Больше похоже на тетрадь для дневниковых записей прелестной барышни. Не бойтесь, что я узнаю *все ваши секреты*?

Вырвав у Роды книгу, Нина сама пролиставала ее – и убедилась, что сотни листов в самом деле девственно-чисты. Не исключено, что так было с самого начала, ведь она книгу не пролистывала, а руководствовалась только названием, вытисненным на обложке.

Однако на обложке *не было* никакого тиснения.

– Вы ее подменили! – заявила Нина, и Родя оторопел.

– Что подменил?

– Роман на эту пустую болванку. Признавайтесь, вы все тут для того, чтобы...

Да, в самом деле, *для чего?* Если даже это и розыгрыш в духе «скрытой камеры», то розыгрыш грандиозный и очень, очень, просто *очень* дорогой.

Во сколько обошлись все эти декорации, которые как декорации совсем не выглядели? А если это не декорации, а настоящий воссозданный старинный городок, хотя бы несколько кварталов, а все эти личности в старинных одеяниях – актеры, то вся эта акция планировалась и осуществлялась множество месяцев, если даже не лет?

Вот именно: *для чего?* Она же не какая-то известная медийная личность, которой, задействовав неслыханные ресурсы, с какой-то неведомой целью решили вдруг морочить голову. Да даже и медийным личностям если голову и морочили, то при помощи трюков с гораздо более *скромным* бюджетом.

А какой бюджет этого небывалого надувательства? И в

третий раз: *для чего?*

– Кажется, милая госпожа Достоевская, если я верно запомнил вашу фамилию, вы несколько подустали после вашего, несомненно, долгого путешествия. Наверняка пожаловали к нам с Москвы или даже, чай, самого столичного Санкт-Петербурга? Или даже *из-за границы?*

– Что-то в этом роде, – произнесла тихо Нина, понимая вдруг, что это никакой не розыгрыш. И не галлюцинация.

А реальность.

Родя, галантно приподняв шляпу, с легким поклоном произнес:

– Тогда разрешите от лица наших горожан и местных властей приветствовать вас, милая госпожа Достоевская, в нашем захолустье, в нашей провинции, в нашей Тмутаракани, в нашем, будь он неладен и пусть и далее процветает, Скотопригоньевске.

Нина от неожиданности уронила роман, точнее, *фолиант с пустыми страницами*, в пыль, и Родя тотчас поднял его, сдул все пылинки и с поклоном вручил его девушке.

Скотопригоньевск! Именно так назывался захолустный провинциальный городок, в котором разыгралось действие романа Достоевского «Братья Карамазовы».

Городок выдуманный, отчасти списанный со Старой Руссы, однако существовавший только в воображении создателя «Братьев Карамазовых», а позднее и на страницах его романа.

Его романа...

Чувствуя, что у нее закружилась голова и ей делается дурно, Нина покачнулась, и если бы не быстрая реакция заботливого Роди, то она наверняка брякнулась бы в пыль.

Родя подхватил ее и во все горло завопил:

– Эй, дурни, помогите же, нечего глазеть! Барышня от духоты чувств лишилась... Помогите ее отнести к доктору Дорну, у него тут, за углом, на Михайловской, около церкви, кабинет...

Чувств Нина не лишилась, хотя в голове в самом деле возник легкий туман, но пока ее куда-то осторожно несли, поднимали по лестнице и клали на кушетку, она сочла, что *не так уж и плохо* притвориться пребывавшей без сознания.

В голове же стучала одна и та же мысль: «Если это не розыгрыш, а это, увы, не розыгрыш, то это может означать только одно... Только одно... *Только одно!*»

Наконец над ней склонился седоватый, но еще вполне свежий и весьма даже привлекательный врач в пенсне, с бородачкой клинышком, чем-то неуловимо похожий на Чехова – если бы Чехову суждено было отметить свой пятидесятый день рождения.

Или хотя бы *сорок пятый*.

Доктор, так похожий на Чехова и носивший фамилию Дорн. Прямо как чеховский доктор Дорн из «Чайки».

– Ну-с, милостивая государыня, проверим ваши рефлекс-

сы... Ага, и ваш пульс... Гм...

Доктор профессиональными движениями произвел нужные манипуляции, а потом произнес:

– Думаю, милостивая государыня, опасность вам не грозит. Не более чем легкий обморок, не исключено, солнечный удар. Смею заметить, что вы в великолепной физической форме – многим здешним дамам следует брать с вас пример. Но, думаю, не помешают вам порошки брома для успокоения нервов...

Усевшись за круглый стол, доктор принялся что-то строчить, *макая перо в чернильницу*, и, не поднимая головы, произнес:

– Слышал, что вы родственница старого Карамазова.

Ну да, если это не розыгрыш и не галлюцинация, и не буйство нездоровой фантазии, то это могло означать одно: *она попала в роман*.

В роман Федора Михайловича Достоевского, столь ею не любимого, – «*Братья Карамазовы*».

Дернувшись, Нина произнесла:

– В какой-то степени...

Доктор, хмыкнув, произнес, как произносят все доктора, выдуманные или реальные:

– Понимаю... И зовут вас Достоевская...

Он сделал паузу, пристально взглянув на Нину через блестящие стекла пенсне, а затем сам же ответил:

– В *какой-то* степени!

И, рассмеявшись собственной шутке, вновь что-то застро-чил.

– Могу ли я осведомиться о вашем имени и отчестве, милостивая государыня, или мне можно *самому* измыслить?

Тон у него был насмешливый, однако не угрожающий.

Девушка назвала свое подлинное имя и отчество:

– Нина Петровна. И вообще-то я Арбенина...

Доктор Дорн вновь поднял на нее взгляд через пенсне и лукаво улыбнулся:

– *Нина Арбенина?* Прямо как в «Маскараде» Лермонтова!

Девушка вздохнула:

– Поверьте, доктор, вы *далеко не первый*, кто делает подобное ироническое замечание.

– Охотно верю. Но наверняка и *не последний*, Нина Петровна. Так Арбенина-Достоевская? Или Достоевская-Арбенина?

Вздохнув, Нина откинулась на кожаный валик кушетки и произнесла:

– Была Арбенина, теперь Достоевская...

Доктор Дорн опять выдал с легким смешком:

– Понимаю...

Нина быстро заговорила:

– Доктор, а как называется город...

– Какой? А, наш, Нина Петровна? Ну, не буду вас пытаться вопросом о том, как вы тут оказались, не ведая, как он называется, – моя многолетняя врачебная карьера приучила к

тому, что чем пациенты молчаливее и чем меньше делятся своими тайнами, тем лучше для моего душевного спокойствия. Наше милое уездное гнездышко именуется горделиво и просто в честь своей до сих времен основной прибыльприносящей отрасли местного бюджета: *Скотопригоньевск!*

Не в состоянии сдержать стон, Нина закрыла глаза. Может, она все-таки в психиатрической клинике и, видя этот крайне реалистичный сон, находится под воздействием каких-нибудь сильных препаратов?

После недолгой паузы, сопровождавшейся только скрипом гусяного пера, доктор произнес:

– Что же, Нина Петровна, смею вас уверить, что вашему здоровью и тем более жизни ничто не угрожает. Однако я позволил себе отослать прочь из моего врачебного кабинета этого несносного Родю Кривошеина, который часто ко мне с похмелья бегают. Пустозвон, хотя и неопасный. Но с такими порядочным барышням, а вы именно такая, лучше не водиться.

Кашлянув, он продолжил:

– Разрешите дать вам совет: старого сластолюбца Карамазова я знаю, причем лучше, чем хотелось бы. Юной красивой барышне из хорошего дому, каковой вы, вне всяких сомнений, являетесь, Нина Петровна, нечего делать в его вертепе. С вашим кузеном Дмитрием Федоровичем тоже водиться не рекомендую... *если он ваш кузен...*

Он усмехнулся, а Нина никак не отреагировала.

– Ваш другой кузен, Иван Федорович, вроде бы человек приличный, однако с преопасными, сдается мне, фанаберижами. Есть в нем что-то нездоровое, изломанное. А вот младший Карамазов, Алексей Федорович, чудный юноша. Хотя, сдается, и в нем гнездится эта карамазовщина...

В дверь тихо постучали, и доктор нетерпеливо произнес:

– Да, да, знаю. Пусть госпожа Хохлакова со своей мигренью подождет!

Нина, не открывая глаз, произнесла, вспомнив героев романа Достоевского:

– А дочка госпожи Хохлаковой, Лиза, сущая прелесть, не так ли?

– О, вы знаете и матушку, и дочку?

Нина продолжила, припомнив перипетии «Братьев Карамазовых»:

– Алеша... Я хотела сказать, мой кузен Алексей Федорович в нее влюблен...

И вдруг поняла, что выболтала, видимо, то, что было известно ей как читательнице романа, но что никак не могло быть известно жительнице и тем более гостье *подлинного* Скотопригоньевска.

Пусть и при этом *выдуманного*.

Доктор, хмыкнув, сказал:

– Вы, на правах кузины, знаете то, что другим неведомо, но меня это не удивляет. Lise – прелестная юная и при этом, что важнее всего, здравомыслящая барышня, которую из-

лишняя опека ее ипохондрической матушки сделала инвалидом. Лечить надо матушку, а не дочку, что я и пытаюсь делать.

Нина осторожно спросила:

– А старик Федор Павлович... Он *как*?

Ее занимал вопрос: жив ли старый Карамазов или уже *мертв*?

То есть *убит*.

– А вы что, разве не почтили дядюшку своего визитом, Нина Петровна? – осведомился доктор Дорн, и девушка в тон ему ответила:

– Вы же сами сказали, что его дом – для меня не место...

Хохотнув, медик произнес:

– Занятная вы молодая особа. Ваш дядюшка жив и здоров, хотя при его модусе вивенди он с медицинской точки зрения давно должен быть в могиле. Однако по-прежнему весьма активно коптит небо, по слухам, даже снова приволакиваясь за той же *известной особой*, что и его старший филиус...

Под *известной особой* доктор Дорн явно подразумевал провинциальную куртизанку Грушеньку, роковую красавицу Скотопригоньевска, борьба за сердце (ну, и, само собой, *тело*) которой, по мнению суда присяжных в финале романа, и привела к тому, что старший сын старика Карамазова, Митя, убил своего премерзкого родителя.

Значит, старший Карамазов еще жив. Но *надолго ли*? Кажется, убили его в конце августа...

А какой, собственно, на дворе *месяц*?

Доктор Дорн тем временем продолжал:

– Да, занятная вы особа, Нина Петровна. Так не похожая на наших провинциальных клуш. Впрочем, на столичных штучек тоже. Да и на зарубежных дам, как ни крути. Я ведь путешествовал по миру, знаю... *Откуда* вы, Нина Петровна?

Не говорить же *из подвала!* Действительно, *откуда* она? Если взять за аксиому шальную мысль, что она на самом деле невеста как переместилась в роман «Братья Карамазовы», то как можно по отношению к нему обозначить тот самый *реальный* мир, в котором она до этого жила?

И весь ужас в том: *реальный ли?* Или ее жизнь – это тоже кем-то написанный, кем-то изданный и кем-то прочитанный роман?

Мрак, да и только!

Примерно такой же мрак, в который она попала, открыв темно-синюю деревянную дверь с ручкой в виде разинутой пасти льва.

– Из... *из*... – Нина не знала, что ответить.

В дверь снова постучали, и доктор Дорн заявил:

– Иду, иду!

Девушка наконец произнесла:

– Из города, в котором вы вряд ли были...

– Ну-с, вы недооцениваете географический радиус моих путешествий, Нина Петровна...

Вздыхнув, Нина назвала город, в котором училась в уни-

верситете – и из которого прибыла в «Братьев Карамазовых», открыв в «Книжном ковчеге» не ту дверь.

Или *ты*?

– Гм, вот вы меня подкузьмили! О вашем городе слышал, конечно, но бывать, в самом деле, не доводилось. Словно вы, зная, что я там не был, намеренно выбрали это название, дабы я не мог задать вам парочку каверзных топографических вопросов.

Он хохотнул, а потом, посерьезнев, сказал:

– У каждого человека есть тайны, в том числе и у меня. И это надо уважать. Мне в самом деле пора, Нина Петровна, но разрешите вам дать несколько советов. Потому как вы, по всей видимости, не живете в соответствии с нашими модами и, так сказать, народами...

Он в который раз внимательно посмотрел на нее, и Нина подумала, что доктор Дорн что-то знает. Хотя нет, это было *полностью* исключено.

Или *же*...

– Поэтому настоятельно рекомендую вам, Нина Петровна, сменить ваш уличный гардероб, иначе это вызовет *массу* вопросов.

Нина и сама понимала, что в своем летнем сарафане, правда, весьма и весьма скромном, однако для XXI века, а вовсе не для века XIX, она уж слишком выделялась. Вероятно, именно ее одеяние и позволило приставучему Родрику Кривошеину предположить, что она... работает в заведении

мадам Зинаиды.

Что это за заведение такое, Нина *отлично* понимала.

Однако как купить подходящую одежду, если денег у нее не было? Сумочку с мобильным и портмоне она оставила висеть на стуле на кухне Георгия Георгиевича.

В XXI веке. И в реальном мире. Хотя мир, куда она невесть как попала, шагнув через темно-синюю дверь с ручкой в виде разинутой пасти льва, был пускай и выдуманный, однако от этого не менее реальный.

Не исключено даже, что *более...*

Так как же заработать денег – и Нина вдруг снова подумала о заведении мадам Зинаиды и страшно смутилась. И вообще, разве в романе Достоевского упоминалось подобное заведение? Кажется, нет. Как, впрочем, не упоминался и доктор Дорн, и Родик Кривошеин...

Однако *откуда* они взялись тут?

Ответ был один: как и в любом *реальном* мире, тут имела масса мест, людей и явлений, на страницах романа просто не уместившихся – или не упомянутых по той простой причине, что не играли никакой роли.

Голова у Нины шла кругом.

Однако все это отнюдь не решало вопроса о том, как ей достать подходящую одежду.

Доктор Дорн тем временем выкладывал на стол большие цветные бумажки, которые при ближайшем рассмотрении оказались царскими ассигнациями.

– Вообще-то принято, что за консультацию гонорар получает медик, однако в этот раз мы изменим правила, Нина Петровна. Не смотрите на меня такими испуганными глазами – это отнюдь не подарок и, более того, конечно же, не плата за услуги возмутительного рода. А всего лишь *кредит*...

– Кредит? – переспросила девушка, и доктор кивнул:

– Да, кредит. Вне всяких сомнений, беспроцентный. Лучше, чем в нашем Скотопригоньевском купеческом банке. Вот, держите. Отдадите, когда сможете.

Нина, разом повеселев, произнесла:

– А вы не боитесь, что никогда... *никогда более* не увидите своих денег?

Усмехнувшись, доктор поднялся.

– Знаете, отчего-то *не* боюсь. Да и ведь это не мои, а моих многочисленных пациентов. Тем более человеческие познания у меня хорошие, так что не сомневаюсь в том, что вы мне долг вернете. Но, к слову, о пациентах: мне пора. Госпожа Хохлакова вся в нетерпении. Ей и ее дочке передать от вас привет?

Нина скромно заметила:

– Ах, оставьте, я лучше сама на днях к ним зайду...

Доктор, поднимаясь из-за стола, произнес:

– Деньги оставляю здесь. И кстати, если вам требуется жилье, то снимать номер в «Каргополе» настоятельно не рекомендую – полная дрянь. Меблированные комнаты Феофанова тоже не лучше и уж точно не для одинокой молодой дамы.

Но, думаю, знаю, как этому помочь...

Нина отчего-то была уверена, что он предложит ей остановиться у него, что она тотчас бы отвергла, но доктор Дорн, натягивая перчатки, вместо этого произнес:

– У моей почтенной экономки, Прасковьи Ивановны, имеется сестра-близнец, зовут которую Пульхерия Ивановна. А та, в свою очередь, вместе со своим супругом, человеком взбалмошным, однако абсолютно безобидным, местным историком, летописцем и, так сказать, *библиографом*, сдает время от времени комнаты в своем доме на Соборной. Люди они более чем респектабельные. Так что, если хотите, могу замолвить перед ней словечко – кажется, у них как раз освободилась комната...

Нина наострила уши, услышав, что этот местный историк и летописец является, помимо всего прочего, *библиографом*.

Интересно, он что, как и Георгий Георгиевич, имеет тайную комнату с темно-синей дверью и ручкой в виде разинутой пасти льва?

– Буду крайне вам признательна... – произнесла Нина, вдруг вспомнив, что даже не знает, как зовут медика по имени-отчеству.

Неужели, как и чеховского Дорна в «Чайке», *Евгений Сергеевич*?

– Прелестно, Нина Петровна. Ну что же, мне пора. Однако вы можете продолжить отдыхать. Все же август в этом году

выдался крайне жаркий, так что неудивительно, что вам сделалось дурно. Рекомендую выходить из дома или рано утром, или под вечер, когда жара спадет...

В XXI веке наверняка такую аномальную жару списали бы на *изменение климата* или, не исключено, небывалую *солнечную активность*, но в веке XIX этому не уделяли особого внимания.

– Попрошу Прасковью принести вам крепкого куриного бульона и чаю с сушками. Не сомневаюсь, что вы не откажетесь. Таково мое медицинское предписание.

Она точно не откажется – когда она последний раз ела? Два столетия назад. Точнее, *вперед?*

– Вы точно уверены, что больше не хотите ничего сказать мне? – произнес доктор, замерший на пороге комнаты с большим саквояжем в руке. Дорн внимательно смотрел на Нину.

Та, с честью выдержав игру в «гляделки», ровным тоном произнесла:

– А *вы* мне?

Хмыкнув, доктор пожелал ей хорошего дня и вышел прочь.

Откинувшись на кожаный валик кушетки, Нина снова закрыла глаза. Невероятно, просто *невероятно*.

Она быстро снова открыла их, однако удостоверилась, что по-прежнему находилась в квартире доктора Дорна.

Нет, не галлюцинация, не сон и не элемент бреда, а *реальность!*

Странно, но паники Нина уже больше не испытывала. Что же, Скотопригоньевск так Скотопригоньевск. Ведь с ней произошло то, о чем мечтали миллионы, да нет же, *миллиарды* людей на протяжении многих столетий: *попасть в книгу*.

Она и попала. Правда, не в одну из своих любимых, а в произведение пусть и гениального, но ею не особо ценимого Достоевского. В его нескончаемо долгий, нудный, излишне многословный нравоучительный детектив с элементами оголтелой религиозной пропаганды – «Братья Карамазовы».

Ну, или в величайшее философское произведение всех времен и народов, как считали другие.

И что самое любопытное, ни одна из точек зрения не была правильной, точнее, не была окончательной. А у нее имелась уникальная возможность выяснить это *в действительности*.

Но если она прошла сюда через дверь, то логично предположить, что может и выйти – *также через дверь*. Только вот *где* она располагается?

Дверь комнаты распахнулась, и в помещение вкатилась невысокая пухлая особа в сером платье, с фартуком, державшая в руках поднос с яствами.

– А вот и все по повелению доктора для улучшения вашего здоровья! – пропела она, и Нина ощутила просто зверский аппетит.

А также поняла, что отнюдь не спешит узнать, где же рас-

полагается нужная ей дверь.

Экономка, быстро расставляя тарелочки и чашечки на столе, без умолку о чем-то тараторила.

Нина осторожно спросила ее:

– А доктора Дорна как зовут? Если не ошибаюсь, Евгений Сергеевич?

– Ах, не ошибаетесь, барышня, именно так его и зовут, нашего доброго ангела! Евгений Сергеевич такой умница, к нему со всей губернии приезжают, даже из соседних тоже. Вот наемдни появилась одна графиня, у которой...

Выбалтывая чужие секреты и медицинские диагнозы, экономка трещала и трещала. Нина, слушая ее вполуха, набросилась на бульон. И, проглотив первую ложку, в восторге закрыла глаза.

Такой наваристый и вкусный – просто дух захватывает! Нет, продукты в XIX веке были, вне всякого сомнения, по вкусу и качеству намного лучше, чем в XXI: без химических удобрений, нитратов и нитритов, генетических манипуляций и промышленного фермерского производства.

Она сама не заметила, как осушила первую тарелку, и словоохотливая Прасковья тотчас подлила ей из пузатой супницы добавки.

– А я вот слышала, что старец Зосима плох... – осторожно забросила удочку девушка – этот герой романа, так сказать, духовный гуру Алеши Карамазова, скончался буквально накануне убийства старика Федора Павловича.

Прасковья всплеснула руками.

– Да, судачат, что он резко сдает. Он – человек святой, к нему со всей губернии приезжают, да и из соседних тоже...

Понимая, что со всей губернии, *да и из соседних тоже*, приезжают как к старцу Зосиме, так и к доктору Дорну, а *кто знает*, быть может, и в заведение *мадам Зинаиды*, Нина улыбнулась.

Прасковья выкладывала ей все местные сплетни, и скоро Нина узнала много чего, отмечая, что некоторые имена ей известны – они упоминались в романе, а бóльшая часть все-таки нет.

Что же, если принять за аксиому то, что каждый роман – это свой космос, к тому же реально существующий, то при описании этого космоса, как и при создании любого литературного произведения, автор просто вынужден прибегнуть к *нарративной редукации* – то есть упоминать, хотя бы и мельком, только тех героев, те места, события и взаимосвязи, которые имеют отношение, пусть и изначально неочевидное, к канве повествования. Иначе, если описывать всех и вся, например, в этом самом Скотопригоньевске, то только для изложения событий одного дня, а то и часа, потребовались бы десятки, а то и сотни страниц.

Новаторский прием, использованный потом, хотя бы и частично, Джойсом в «Улиссе».

Однако и Прасковья, и доктор Дорн, и теперь, выходит, *она сама* находились не в выдуманном мире, а в мире вполне

реальном, в котором, что совершенно очевидно, и имелись все эти герои, места, события и взаимосвязи, о которых Достоевский в своем романе не упоминал вовсе.

И о которых, не исключено, и не имел понятия – не подозревая, что они существуют в выдуманном им реальном мире, вне зависимости от его авторского волеизъявления.

Или *подозревал*?

– Вам еще бульончику? – пропела Прасковья, и Нина с большим трудом отказалась.

– Ах, вы такая стройная, как принцесса из сказки! – заявила вдруг экономка, чем смутила Нину.

Не тем, что принцесса, а тем, что *из сказки*. В какой-то мере *да*. Странно, однако, что героиня литературного произведения считает, что она, Нина, пришедшая сюда из реальности, *тоже* является героиней *литературного произведения*.

Хотя любой космос и любую Вселенную, пусть литературную или вполне осязаемую, кто-то создал, и если на то пошло, то все и вся в любом мире, выдуманном или реальном, – продукты чьего-то творческого процесса.

– Я сестрице своей скажу, чтобы она вам хорошо готовила! – произнесла Прасковья. – У них как раз комната освободилась, потому что жилища, которую пользовал доктор, преставилась, да смилостивится над ней Господь...

Нина вздрогнула – и в голову отчего-то пришла история с притким доктором, который вместе с глуповатой жадной супругой травил Ивана Ильича из толстовской повести. Вот

бы занятно попасть туда, выяснить, как все было на самом деле (хотя Нина теперь не сомневалась, что оно было *именно так*), и...

И помешать убийству!

Да, но, *собственно...*

В голове что-то щелкнуло, и важная мысль, которая только что завладела ее вниманием, вдруг улетучилась из-за нудного трепя Прасковьи.

– А отчего умерла несчастная? – произнесла Нина, и экономка быстро ответила:

– Ах, зачахла просто, какая-то неведомая хворь ее изнутри снедала. Даже доктор до чего уж мудрый и всезнающий человек, за границей долго живший, но ничего поделывать не смог...

Нине пришла в голову шальная мысль о том, что, быть может, доктор Дорн имеет *некоторое отношение* к кончине этой несчастной – и отнюдь *не такое нейтральное*, как все себе представляют.

– Я уже послала сестрице записочку, она вот-вот должна прийти. Она много не берет, но жить к себе пускает только порядочных дам. А то, знаете ли, развелась в нашем городке масса всяких...

Она поджала губы, и Нина понимающе кивнула.

– Вы имеете в виду... *Грушеньку*? То есть я хотела сказать: *Аграфену Александровну Светлову*?

Так Грушенька именовалась полным именем в романе. А

в подлинном Скотопригоньевске, интересно, *тоже?*

Прасковья, вспыхнув, стала с грохотом собирать посуду.

– Вот ведь змея подколодная! По виду ведь и не скажешь, что падшая женщина – такая скромница, такая красавица. А в глазах чертенята! Она и к доктору подкатывала, за ним посылала, потому что, видите ли, дурно ей сделалось. Доктор потом со смехом поведал, как она его... *соблазнить пыталась!*

Кончик длинного носа Прасковьи воинственно затрясся, и Нина не без иронии заметила:

– Не сомневаюсь, что доктор выдержал сие нелегкое испытание с честью.

Из коридора послышалась мелодичная трель, и Прасковья, гремя подносом с посудой, выбежала прочь.

А через несколько минут вернулась с женщиной, как две капли воды похожей на нее, своей сестрицей Пульхерией Ивановной: такой же низенькой, плотной, болтливой. Только не в сером платье, а в синем.

Уж, судя по имени, не из «*Старосветских помещиков*» ли?

– Ах, как рада с вами познакомиться! Раз доктор вас рекомендует, то никаких сомнений быть не может! Мы немедленно поедem к нам! Где вещи ваши?

Нине пришлось признаться, что вещей у нее не было.

– Путешествую налегке... Однако буду признательна, если порекомендуете мне магазин дамской одежды, где бы я могла приобрести себе кое-что для гардероба...

Она посмотрела на оставленные доктором Дорном деньги.

Спустя час с небольшим они покинули галантерейную лавку на Большой улице и, сопровождаемые мальчиком-посыльным, тащившим целый ворох свертков, уселись в пролетку и направились к дому Пульхерии Ивановны.

Нина, облаченная в соответствовавшее эпохе платье, наотрез отказалась менять свои удобные туфли и все время незаметно сводила и разводила плечи, стараясь привыкнуть к новому, такому неудобному, облачению. Хорошо, что хоть от корсета еле отвертелась – все-таки дамы в Скотоприго-ньевске такого, в отличие от столичных модниц, не носили!

Волосы, как того и требовали приличия, Нина перед большим зеркалом в лавке дамского платья зачесала назад и прикрыла весьма уродливой шляпкой, сочтя, что она все-таки лучше, чем платок.

И поняла, что выглядит *просто ужасно*.

Пульхерия, завидев ее, всплеснула руками.

– Ах, да вы такая красавица, Нина Петровна! Вам необходимо остерегаться местных ловеласов. Слышала я, что старый Карамазов – дядюшка ваш... Вы уж простите великодушно, но ноги этого проходимца в моем доме не будет! И старший сын его тоже не лучше!

Пролетка остановилась перед внушительным каменным строением, оказавшимся домом Пульхерии. Та вместе с мальчиком-посыльным затащила покупки Нины по крутой

лестнице на последний этаж, в каморку под самой крышей.

Комната была небольшая, убого обставленная и, насколько Нина теперь была в курсе, сдаваемая Пульхерией по совершенно *заоблачной* цене, которую та, конечно же, с учетом рекомендации доктора Дорна и своей сестрицы понизила.

Вероятно, при этом *накинув* пару целковых...

Тонем профессионального маклера XIX века Пульхерия вещала:

– Отличная квартира для одинокой порядочной дамы. Великолепный вид прямо на Никольскую церковь...

Нина подумала, что от трезвона колоколов никуда не деться.

– Прочный дубовый шкаф, доставшийся от моей тетушки, пусть земля ей будет пухом...

Нину так и подмывало обратиться к шкафу: «*Дорогой, многоуважаемый шкаф!*», однако она сочла, что Пульхерия *явно* не поймет литературной аллюзии.

Опять Чехов (хоть и другая пьеса) – она что, думает о *докторе Дорне*?

– Кровать, прелестный офорт с видами нашего Скотопригоньевска, выполненный, кстати, моим достопочтенным супругом, Федором Михайловичем...

Нина вздрогнула – супруга Пульхерии звали *точно так же*, как и автора романа, в котором они все находились?

– Федор Михайлович – *ваш* супруг? – произнесла она осторожно, и Пульхерия затараторила:

– Такой ученый человек, такой занятой и такой всезнающий! Доктор Дорн от него в восторге, они любят вести научные беседы, как это и подобает мужчинам...

То, что сие подобает помимо этого *и женщинам*, Нина уточнять *не стала*.

– Конечно же, я представлю вам его, однако у него особый распорядок дня: сейчас он замкнулся в своем кабинете и работает над хроникой нашего Скотопригоньевска... С утра он отвечает на письма, а вечером и ночью работает над шестнадцатым томом своей монографии...

Нина едва сдержалась, чтобы не прыснуть, однако поняла, что ироническое отношение к этому самому Федору Михайловичу вряд ли пришлось бы по душе его чрезвычайно активной супруге.

А терять квартирку, пусть и такую убогую, пусть и по такой невероятной цене, Нине *не хотелось*.

– Позвольте узнать, надолго ли вы в наших краях, Нина Петровна? – спросила Пульхерия, и Нина задумалась. Вопрос, конечно, *интересный!*

– Думаю, я задержусь у вас некоторое время, однако не так долго, как хотелось бы...

Пульхерия поджала губы:

– Я беру квартирную плату за два месяца вперед, вы уж не обессудьте. Это только у Феофанова платят за один, но там и обитают все эти сомнительные личности. Не говоря уж о «Каргополе» – был ведь когда-то приличный постоялый

двор, но с тех пор, как старый владелец умер, а наследнички продали, превратился в сущую клоаку!

Нина, вытащив пачку ассигнаций, стала медленно отсчитывать.

– Вы ведь не возражаете, если я заплачу *сразу за три*?

Пульхерия, лицо которой расплылось в улыбке, разумеется, *не возражала* и, пригласив Нину на ужин ровно к семи («мой Федор Михайлович всегда ужинает ровно в семь, ни минутой раньше и ни минутой позже!»), наконец-то оставила ее одну.

Повернув за говорливой деятельной хозяйкой ключ в замке, Нина вдруг почувствовала, что ужасно устала, хотя, собственно, ничего особенного не сделала.

Ну, разве что переместилась на *два века назад* – и к тому же из реального мира в мир романый.

Хотя тогда вопрос в том, не является ли каждый роман реальностью, а каждая реальность чьим-то романом?

Брякнувшись на кровать, Нина закрыла глаза, посчитав, что ей надо немного полежать, – и заснула.

Когда она проснулась, солнце уже снижалось. Посмотрев на часы и зевнув, Нина потянулась, подошла к окну и распахнула его.

Под ней, на улице, сновали люди, громыхали телеги, проносились пролетки. Над золотыми куполами церкви кружило воронье. В воздухе, подобно мареву, трепетали мошки.

Благодать, да и только.

И все же следовало подумать о *возвращении*. Потому что если она как-то попала сюда, то наверняка имелся способ вернуться обратно.

Умывшись из медного кувшина над шербатым тазом, носившим гордое название умывальника, Нина причесалась (расческу она обнаружила в ящике комода и задавалась вопросом, не принадлежала ли она покойной жилище – а если даже так, то *что с того?*), водрузила себе на голову шляпку и, прихватив массивный зонтик (который купила, вспомнив о даме с рыжим мальчиком в матросском костюмчике), вышла на лестницу.

Оказавшись на улице, Нина не знала, как себя вести. Точнее, как должна вести себя дама в Скотопригоньевске того времени.

И, так сказать, *того романа*.

Но делать ей ничего не пришлось, потому что перед ней остановилась пустая пролетка и лихой усатый молодчик в шапке набекрень басом произнес:

– Мадам, куда прикажете доставить?

Усевшись в такси позапрошлого века, Нина произнесла:

– Мне требуется...

В самом деле, *куда* ей требовалось? Если она скажет – в XXI век, то вряд ли молодчик сможет ее туда отвезти. Для путешествий во времени, *как общеизвестно*, понадобится спортивный автомобиль серебристого цвета с двер-

цами «крыло чайки», с установленным в нем энергетическим флюксуатором, работающим на купленном у террористов уране, который надо разогнать по прямой до скорости сто двадцать километров в час...

Ну, и док Эммет Браун с торчащими во все стороны, как и *полагается* сумасшедшему профессору, волосами.

«Крыло чайки» – это что, намек на *чеховскую* «Чайку» и *доктора Дорна*? И о чем она только думает...

Однако «Назад в будущее» молодчик вряд ли видел и с учетом продолжительности жизни в XIX веке вряд ли *мог* увидеть, а его пролетка не могла разогнаться до нужной скорости 88 миль, да и центральный элемент перемещения – меланхоличная пегая кобыла – работала не на контрафактном уране, а на овсе с сеном.

– Мне требуется книжная лавка. Знаете, где она, милейший?

Трогаясь с места, молодчик пробасил:

– Мадам, обижаете! Да я тут с закрытыми глазами вас по нашему Скотопригоньевску провезти могу! Только вас куда – к господину Сазонову на Малой? Или к господину фон Гротту, что супротив больницы?

– Мне в «Книжный ковчег»! – сказала Нина, и молодчик, кивнув, произнес:

– Ага, в этот новый, который прошлого года открылся... Как же, знаем, мадам! Ну, поехали!

Путешествие длилось недолго, однако доставило Нине

огромное удовольствие. Было в этом что-то притягательное – восседать в пролетке, взирая на шедших вдоль домов людей, – отвечать на чинные кивки проезжавших мимо в других пролетках дам и господ, явно принимавших ее *за свою*.

Что же, астроном из «Маленького принца» был прав: стоит только переодеться в нужный наряд, и отношение к тебе *тотчас* изменится.

Возникла знакомая ей вывеска, Нина вдруг ощутила легкую тревогу.

– Прикажете подождать вас, мадам? – произнес молодчик, а Нина, не зная, вернется ли она вообще обратно, произнесла, протягивая ему серебряный рубль (хотя это было наверняка слишком много):

– Нет-нет, не надо. Знаете ли, я люблю долго выбирать книги...

Попробовав на зуб рубль, молодчик здраво заметил:

– А может, это *они* нас выбирают? Я вот, мадам, ни читать, ни писать не умею, однако мне от этого хуже не живется. Потому что моя бабка, царство ей небесное, говорила, что кто много знает, тот и несчастнее.

– В проницательности вашей бабушке не откажешь, – ответила Нина и позволила молодчику помочь себе спуститься с пролетки.

Она поднялась по ступенькам «Книжного ковчега», набрала в легкие воздуха и толкнула дверь.

И попала в точно такую же атмосферу, которая царила в

другом «Книжном ковчеге» – в XXI веке, в особняке Георгия Георгиевича.

Книги, книги, везде книги. Правда, за прилавком не почтенный пузатый слепой библиограф с седой бородой, а все тот же известный ей невысокий молодчик с тоненькими усиками.

Он как раз вел беседу с солидным господином в котелке и оповестил Нину, что будет тотчас к ее услугам.

Девушка же, бродя меж стеллажей, рассматривала книги. Ага, вот и Пушкин. А вот и Диккенс. Причем на языке оригинала. Александр Дюма и греческие философы. Имелся, что поразительно, даже «Капитал» Маркса на немецком, а также два или три стеллажа с фривольными французскими бестселлерами, по которым сходили с ума обыватели во второй половине XIX века.

Проводив господина в котелке, приказчик, подойдя к Нине, увлеченной просмотром одной из книг, напугал вопросом:

– Смогу ли я помочь вам, милостивая государыня?

Нина, чуть не выронив из рук книгу в переплете из телячьей кожи (что-то поэтическое на итальянском), произнесла:

– А Лев Толстой у вас имеется?

Приказчик, на бледном лице которого мелькнуло слабое подобие улыбки, произнес:

– Какие именно сочинения графа Льва Николаевича желаете, мадам? «Севастопольские рассказы»? Или «Войну и

мир»?

– «Смерть Ивана Ильича», – произнесла девушка, и приказчик наморщил лоб.

– Гм, вы уверены, мадам, что это произведение графа Толстого? Оно мне неизвестно...

Нина сжала рукой зонтик. Ну конечно, «Смерть Ивана Ильича» была опубликована Толстым уже *после* смерти Достоевского, в романе которого она и имела сомнительную честь пребывать. И, соответственно, в книжной лавке имелись только *те* книги, которые существовали на момент написания Федором Михайловичем своего произведения.

– Думаю, я ошиблась. А что-то романов господина Достоевского я у вас не вижу...

Приказчик снова нахмурился.

– Мадам, вы решительно ставите меня в тупик. Как вы сказали, Достоевский? Из царства Польского, стало быть? Но пишет на русском?

Фамилию он произнес с ударением на второе «о». Достоевского здесь не знали, хотя в подлинной книжной лавке тех лет целые полки должны быть забиты его романами.

Но не полки книжной лавки в романе *самого* Достоевского.

– Оставьте, милейший, я, вероятно, фамилию перепутала.

Приказчик, как-то странно взглянув на нее, произнес:

– Судя по всему, мадам, могу рекомендовать вам серьезную литературу? Вот, к примеру, «Вешние воды» – новая

повесть господина Тургенева, очень хвалят. Или, к примеру, француз Флобер. Еще один француз, восходящая звезда, господин Золя. А вот романы Бальзака и произведения Гюго. Или вам больше немцы по душе? Смею обратить ваше внимание на некоторых авторов из Американских Штатов, в Европе практически не известных...

Внимание же Нины было привлечено к двери, спиной к которой она стояла – из этой двери она и выглядывала утром, когда оказалась в подвале «Книжного ковчега».

Поэтому, прервав приказчика, она произнесла:

– Вы заметили, что особа я эксцентричная, поэтому не взыщите, милейший, если задам вам странный вопрос. У вас в лавке имеется *дверь*?

Приказчик, вытаращившись на нее, медленно облизал губы языком и переспросил:

– Мадам изволит шутить? У нас тут *много* дверей!

Мягко улыбнувшись, Нина произнесла:

– О, это, несомненно, так, но я веду речь об... об *особой* двери. Вы ведь понимаете, о чем я?

Судя по выпученному, явно не наигранному взору приказчика, он *не понимал*, о чем она вела речь.

Тогда Нина решила, что пора идти ва-банк.

– Дверь, скажем, темно-синяя, деревянная, с ручкой в виде разинутой пасти льва. Возможно, запрятанная за одной из книжных полок. Или, не исключено, в вашем подвале, хотя я ее там не нашла...

Приказчик, глядя на нее как на привидение, прошептал:
– Мадам была в *нашем подвале*?

Звякнул колокольчик, в книжную лавку вошел новый посетитель.

– Лучше ответьте на мой вопрос, милейший. Есть ли у вас такая дверь или нет?

Приказчик, мотнув головой, решительно заявил:

– Мадам, точно так, как у нас нет «Смерти Ивана Ильича» пера графа Толстого или произведений господина поляка, чьей фамилии я, увы, не запомнил, нет у нас и двери, о которой вы ведете речь. Но позвольте узнать, мадам, *отчего* вы спрашиваете? И почему вы уверены, что эта дверь должна у нас иметься? И вообще, *куда* ведет эта самая дверь?

Вопрос, что называется, *на миллион!*

– Точно нет? – спросила упавшим голосом Нина, которая не сомневалась, что приказчик ее не обманывает. А ведь все было так стройно и так логично: «Книжный ковчег» имелся и *там*, и *здесь*. Вернее, и *здесь*, и *там*. В мире романа и в реальном мире.

Хотя кто может утверждать, что этот мир *менее реален*, чем тот, который она *привыкла считать* реальным?

– Милейший, я же сказала, что дама я эксцентричная, поэтому буду крайне признательна, если вы дадите мне честный ответ.

Приказчик несколько обиженно заметил:

– Мадам, я всегда честен с нашими высокочтимыми по-

сетителями! И никакой такой темно-синей двери с ручкой в виде пасти льва у нас нет!

Раздалось нетерпеливое покашливание – новый посетитель явно намекал, что ему тоже требуется помощь приказчика.

– Ну, не исключено, что дверь и не темно-синяя, а какого-то иного цвета. И что она с другой ручкой или вообще без таковой. Ах, и у нее нет замочной скважины, это важно! И речь идет не о двери вообще, а об *этой* двери. Ну, вы ведь меня понимаете, не так ли?

Последняя, отчаянная попытка воззвать к его совести и жалости.

– Мадам, у *всех* наших дверей имеются замочные скважины! – заявил явно сбитый с толку приказчик. – Дверей у нас много, сколько именно, сказать затрудняюсь, помещение у нас большое, однако все двери как двери. И никакой этой двери у нас нет. Тем паче, мадам, что я просто не понимаю, чем обычная дверь отличается от *этой* двери. Могу ли я сделать для вас что-то еще?

Просить несчастного субъекта переместить ее в реальный мир XXI века Нина не стала: он и так был весьма сбит с толку их беседой.

Результат был отрицательный, что *плохо*. Конечно, приказчик мог элементарно не знать, где находится *эта* дверь, однако если он был подобием Георгия Георгиевича, то наверняка должен быть в курсе.

Потому что Нина поняла: старый библиограф был великолепно проинформирован о наличии у него за книжной полкой двери. И – в этом Нина тоже не сомневалась – регулярно ею пользовался.

Теперь ей становилось ясно, на *какую* роль он ее готовил. Своей помощницы. Или, если принять на веру его слова о скорой пенсии, своей *преемнице!*

Но если это так, то этот приказчик должен быть местным подобием Георгия Георгиевича и быть в курсе двери – но он *не был!*

И что ей *теперь* делать?

Девушка, которую приказчик оставил наедине с грустными мыслями, вынула сразу несколько книг с полки и заглянула в образовавшийся проем. Нет ли там *тайного рычажка?*

Не было.

Но девушка, не теряя надежды, стала осторожно снимать и прочие книги, простукивая заднюю стенку. Хорошо, что приказчик был занят новым посетителем: высоким, облаченным во все черное, с глухо поднятым, несмотря на жаркую погоду, воротником и зачесанными назад черными же волосами молодым человеком с бледным, каким-то нервным лицом и острым носом.

До нее донесся голос приказчика:

– Да, милостивый государь Иван Федорович, ваши заказы намедни поступили. Вот, прошу...

Иван Федорович... Услышав знакомое имя, Нина востропилась и, бросив простукивать полки, подошла чуть ближе, прислушиваясь к чужой беседе.

Молодой человек, который, как она подозревала, был средним братом Карамазовым, тем самым, *который беседовал с чертом*, быстро пролистывая поданный ему фолиант, заявил:

– Так, так, так... А почему не весь заказ?

Приказчик, понизив голос, произнес:

– Иван Федорович, помилуйте, ряд книг, которые вы желаете, запрещен цензурой. Я, конечно же, никому не скажу, что вы их приобрести желаете.

– Мне плевать, скажете или нет. Сколько хотите за то, чтобы достать?

Приказчик, понизив голос еще сильнее, что-то прошептал, и Нина, желая услышать, что же он произнес, подалась вперед и наткнулась на стопку книг, которые, рассыпавшись, полетели на пол, создавая невероятный шум.

Иван Федорович Карамазов, дернувшись, обернулся и, уставившись на Нину, крайне нелюбезно произнес:

– Мы разговариваем, а вы, сударыня, нам мешаете!

Приказчик бросился поднимать книги, а Нина, не привыкшая, чтобы с ней так обращались, к тому же малоприятные молодые люди, герои нелюбимых романов, подошла к нему и выпалила:

– Ну, как поживает «Великий инквизитор»? Вы брату-то голову подобными вещами не морочьте, он юноша впечатлительный.

Иван Карамазов дернулся, словно она его плетью ударила, а Нина, довольная произведенным эффектом, продолжила:

– И сами эзотерикой не увлекайтесь. Черт вас еще не навещал?

Молодой человек, лицо которого вдруг позеленело, стал судорожно собирать с прилавка книги.

– Ага, вижу, *навещал!* Только не надо думать, что это настоящий черт! Быть может, просто надо пить меньше и наркотиками не увлекаться?

Иван Карамазов, взволнованный до такой степени, что не сумел удержать книги, уронил их и бросился поднимать фолианты. Нина, чувствуя, что переборщила, использовав запретные знания, доступные ей в своей роли читателя романа, который вдруг обернулся реальной жизнью, опустилась и стала помогать Ивану.

– Фейербах, Шопенгауэр, Ницше. Ага, и занятные произведения по магическим культам... *Очень* интересно, Иван Федорович!

Вырвав у нее книгу по магии, молодой человек злобно воскликнул:

– Что вы ко мне пристали? Мы что, знакомы? Не помню что-то. Понимаю, *они* вас ко мне подослали!

Нина пожала плечами.

– Думаете, вы так интересны Третьему отделению или кому-то там еще? Уверяю вас, я не полицейский шпик!

Иван Федорович, на лице которого возникла и тотчас пропала странная улыбка, от которой сделалось не по себе, произнес:

– Нет, я не о полиции веду речь. А о *них!*

Собрав книги, он положил их на прилавок и заявил:

– Милейший, пришлите мне их по известному адресу! А обо всем прочем мы поговорим с вами позднее, tête-à-tête!

И, не прощаясь, вышел.

Нина, посмотрев ему вслед, вдруг приняла спонтанное решение и бросилась вслед за этим малоприятным типом.

Нагнав его на улице, она произнесла:

– Иван Федорович, джентльмен не должен бросать даму, не пожелав ей хорошего дня!

Карамазов-средний, не останавливаясь и не оборачиваясь, буркнул:

– Вечер уже. Да я и не джентльмен!

Нина в сердцах воскликнула:

– О, в этом не может быть *ни малейших сомнений!* Да, вы не джентльмен, а всего лишь один из Карамазовых! Причиняющий людям боль и страдания, каждый на свой лад. Вы вот – книжный червь, ученый муж, явно считаете себя умнее всех в городе, не исключено, умнее всех в мире. А на самом деле это не так. Вы – напыщенный юнец двадца-

ти четырех, если мне правильно вспоминается, лет, не без талантов, явно начитанный, однако с тяжелым характером и непомерно раздутым самомнением, которое происходит вообще-то из страхов, неуверенности в себе и, подозреваю, крайне несчастной личной жизни – в том случае, конечно, если у вас личная жизнь *вообще есть*, Иван Федорович!

Нина не сомневалась, что Иван Карамазов или никак не отреагирует на ее тираду, или обругает ее, однако она высказала ему все то, что когда-то, во время чтения «Братьев Карамазовых», терзало ее.

И что она бросила в лицо самому герою. Ну, не в лицо, а в его сутулую *спину*.

Карамазов, в самом деле развернувшись, уставился на Нину, однако на его лице, надо признать, красивом и даже одухотворенном, возникла отнюдь не гримаса ярости, а добрая улыбка.

– Вы знаете меня лучше, чем я сам! И при этом мы не знакомы! Но как же так?

Он явно не серчал, а был удивлен, обескуражен и, как показалось Нине, весьма и весьма *заинтересован*.

– Откуда вы знаете? – произнес он, и его лицо вдруг снова приняло непроницаемое выражение. – Понимаю, *они* поставили вас ко мне...

– Какие такие *они*? – произнесла Нина спокойным тоном, сочтя, что ее монолог был уж слишком жестоким. Любой человек, в том числе и она сама, обладает рядом неприят-

ных качеств, но имеет ли она право, используя свое бесспорное информационное преимущество, обвинять Ивана Федоровича во всех смертных грехах?

– *Они!* – проронил Карамазов, и его лицо вдруг исказила судорога.

Приблизившись к нему, Нина взяла его под руку, отчего молодой человек, словно пронзенный электрическим разрядом, вздрогнул. Наверное, в провинциальном русском городке второй половины XIX века девица просто *не могла* взять незнакомого человека под руку, во всяком случае, *приличная* девица, но Нине было решительно на все наплевать.

После того как она попала в Скотопригоньевск, все границы стерлись.

– Вы весь дрожите. Вам надо выпить чаю. Где у вас какое-нибудь более-менее приличное заведение, где мы можем присесть, Иван Федорович?

И, о чудо, он не оттолкнул ее, не стал спорить или убеждать в обратном, и словно ребенок подчинился ее словам и качнул головой в сторону соседней улицы.

– Там, там... Мы там часто с братом Алешей...

Трактир оказался грязный, однако в самом деле приличный. Строго наказав половому принести слабый чай с большим количеством сахара, Нина заставила выпить Ивана Карамазова две полные чашки.

Лицо молодого человека постепенно порозовело, и Нина,

опять же, плюя на условности, приложила ладонь к его лбу.

– Нет, температуры у вас нет, но такое впечатление, что вы больны...

Она хотела убрать руку, но Иван Карамазов прошептал:

– Не убирайте, прошу вас. Мне так хорошо и покойно. Как когда-то с матушкой...

Той самой, которую его отец Федор Павлович, свел в могилу.

И все же Нина убрала руку, так как на них уже поглядывали с соседних столов.

– Запомните, никаких *их* нет! – заявила девушка. – И за вами никто не следит. И черта тоже нет!

Иван, усмехнувшись, снова вошел в роль всезнающего циника.

– А откуда вы знаете, что нет? Может, и есть? Кстати, я ведь, в отличие от отца и старшего брата, вовсе не пью. А наркотики, которые вы упомянули... Что это такое?

Ну да, действительно, *что*?

– В китайские опиумные не ходите? – произнесла Нина, и Иван расхохотался:

– То, что в Петербурге такие есть, слышал, но сам там ни разу не бывал, а у нас, в нашем замшелом Скотопригоньевске, такого отродясь не было и, уверяю вас, не будет! Кстати, вы меня знаете, а я вас нет? Смею ли, сударыня, спросить вас о вашем имени?

Сударыня... Вот как он назвал ее...

– Гм, прямо как у классика. «Что в имени тебе моем...»

Зовут меня просто: Нина Петровна.

– И что вы, Нина Петровна, делаете в нашем медвежьем углу?

– Я тут проездом, *ненадолго*.

Или, если не найдет двери, *навсегда*?

Иван Карамазов, серьезно взглянув на нее, произнес:

– Надеюсь, что покинете вы нас все же не так быстро.

И безо всякой связи с предыдущей репликой шепотом добавил:

– Потому что черт есть, я вас уверяю! Он приходит ко мне каждую ночь! Хотите, Нина Петровна, я вас с ним сведу?

Если не алкоголь и не наркотики, то, стало быть, *тяжелое психическое заболевание*. Параноидальный бред с видениями.

Нине сделалось не по себе – нет, она не боялась Ивана Карамазова, она боялась *за* него: читая роман, она не испытывала к нему ни малейших теплых чувств, а повстречав живую, вдруг проникалась симпатией.

Девушка положила руку поверх ладони среднего брата и произнесла:

– Черта нет, уверяю вас. А вам нужна помощь...

Только вот *кто* мог оказать Ивану Карамазову эту помощь? Ему требовался высококвалифицированный врач-психиатр, которого в те времена, более того, в глухой провинции, просто не было.

Доктор Дорн?

Ну нет, тот, быть может, и неплохой медик, однако без специализации по психиатрии, к тому же уровень его знаний находится на уровне второй половины XIX века. А Ивану требовались знания и, что важнее всего, *психотропные медикаменты* века XXI.

– Все будет хорошо, – произнесла Нина, лихорадочно размышляя, что же делать. А что, если отправить Ивана отсюда в Москву или Питер? Или вообще за границу, к лучшим специалистам по душевным болезням?

Чтобы они, как и князя Мышкина из *другого* романа Достоевского, спеленав в смирительную рубашку, посадили в отдельную камеру, поливали холодной водой и называли *идиотом*?

– Все будет хорошо, – повторила она, понимая, что все весьма плохо. И что она не знает, как поступить.

Ее рука продолжала покоиться поверх ладони Ивана.

Тот вдруг поднес ее к своим губам, поцеловал горячими сухими губами и произнес:

– Нина Петровна, выходите за меня замуж!

Думая, что ослышалась, девушка уставилась на среднего Карамазова, а тот заявил:

– Вообще-то я думал, что брак и связанные с этим обязанности – пустое, не по мне, однако это было до того, как я встретил вас.

И, соскользнув со стула, вдруг прилюдно опустился на ко-

лено и громко произнес:

– Нина Петровна, официально делаю вам предложение своей руки и сердца и прошу разделить со мной все радости и горести до конца жизни!

Нина, чувствуя, что краска заливает ее лицо, не знала, как поступить – Иван, стоя на колене на весьма грязном полу трактира, продолжал по-прежнему сжимать ее ладонь.

Посетители, от внимания которых не ускользнула ни эта удивительная сцена, ни слова Ивана, заулыбались, некоторые (в основном мужчины в возрасте), вздернув брови, даже забили в ладоши.

– Иван Федорович, умоляю вас, прекратите! – простонала девушка, а Иван ответил:

– Прекращу тотчас, как вы ответите мне согласием, Нина Петровна! Я влюбился в вас с первого взгляда. Вы – удивительная барышня!

Ну да, из XXI века, к тому же из *реального* мира...

Хотя кто посмел бы утверждать, что мир, в котором она находилась, был *выдуманый*?

– Иван Федорович! – взмолилась девушка, не зная, как себя вести.

До недавнего времени она и не задумывалась особо о семейной жизни, ведь у нее имелся Славик, с которым они о женитьбе речи не вели, однако который вполне себе официально считался ее молодым человеком.

До тех пор, пока она не застала его в кровати с пышногру-

дой блондинкой из отдела аспирантуры.

Но Иван Федорович Карамазов – *совсем другое дело*. И вовсе не потому, что он выдуманный, потому что он очень даже настоящий, а потому, что она знала его всего каких-то полчаса, а он уже делал ей предложение.

Хотя, если поразмыслить, она знала его даже *дольше*, чем Славика: «Братьев Карамазовых» она читала еще до поступления в университет...

Но все равно: и это скороспелое предложение руки и сердца, и вся эта сцена на коленях в трактире, по своему надры-ву весьма и весьма *достоевская*, была – и в этом она не сомневалась – следствием возбужденного, нервного, болезненного состояния среднего Карамазова.

И ему требовалась квалифицированная медицинская помощь, а не женитьба на таинственной, вскружившей ему затуманенное сознание незнакомке.

К тому же пришедшей в Скотопригоньевск из реального XXI века через темно-синюю деревянную дверь с ручкой в виде разинутой пасти льва.

– Иван Федорович... – промолвила девушка и вдруг подумала, что из Ивана Карамазова, вероятно, даже несмотря на все его странные идеи и философские терзания, вышел бы *неплохой* муж. Да и некрасивым его, несмотря на весь его напускной байронизм, или даже *благодаря ему*, назвать было нельзя.

Господи, *о чем* она думает!

– Да, Нина Петровна? – произнес он с явной надеждой и сжал руку девушки еще сильнее.

Нина вдруг подумала, что этот человек может быть *опасен*. И не столько по причине своих богоборческих идей, сколько по причине своего психического заболевания, которым он, беседовавший каждую ночь с чертом, явно страдал.

Причем не только опасен, а даже *крайне* опасен.

А что, если он устроит сцену или даже нападет на нее, если она ответит ему отказом? Или, последовав за ней, нападет на нее где-нибудь на улице замшелого тихого провинциального Скотопригоньевска?

Замшелого и провинциального – это правда, но не такого уж тихого: тут ведь не только черт к среднему Карамазову в гости зачастил, но и старика Федора Павловича должны были скоро кокнуть.

А что, если это сделал Иван? Точнее, не сделал, конечно же, а *сделает* – Федор Павлович, судя по всему, был еще жив-здоров.

Но коптить небо ему оставалось недолго.

– Иван Федорович, поднимитесь с колена и сядьте на стул! – произнесла девушка тихо, но, как и полагалось в подобных сценах у Достоевского, *с надрывом*.

– Только после того, как вы дадите мне ответ, Нина Петровна! – заявил тот, и девушка пообещала:

– Дам. Но сначала мне надо сказать вам что-то крайне и крайне важное...

Была не была – вряд ли она могла сослаться на то, что не имела права вклиниваться в ход действия романа, потому что *уже* в него вклинилась.

Тем более что это для читателей был роман, а для всех, кто его населял, а теперь, выходит, даже и для нее самой – *настоящая жизнь*.

И, о чудо! – средний Карамазов, с точно такой же легкостью, как прилюдно опустился на колени в трактире, снова присел на стул.

Продолжая при этом сжимать, с каждым мгновением все сильнее и сильнее, руку Нины.

– Так что вы хотите мне поведать, Нина Петровна? – поинтересовался Иван. – То, что дадите соблаговоление стать моей супругой?

Человек он был неплохой, вероятно даже, *весьма хороший*, к тому же с внешностью романтического героя, столь симпатичной впечатлительным барышням, однако Ивану требовалась помощь.

Помощь, которую ему в этом месте и в эту эпоху оказать никто не мог. А что, если, когда она найдет дверь и наконец выберется отсюда, она просто возьмет его с собой и поведет на консультацию к хорошему психиатру со знаниями и медикаментозными возможностями XXI века?

И вдруг Нина поняла, что *отнюдь не стремится* снова попасть в настоящее. Потому что удивительным образом ее настоящим был теперь этот Скотопригоньевск из «Братьев

Карамазовых», порожденный фантазией столь не любимого ею Достоевского.

Однако Ивану требовалась помощь не когда-либо в будущем, не исключено, весьма *отдаленном* (а что, если она вообще никогда не найдет дверь или та функционировала только в одном направлении – *в роман, но не из романа?*), а прямо сейчас.

А прямо сейчас помочь она ему никак не могла. Не давать же, в самом деле, согласие на брак со средним Карамазовым, чтобы успокоить его.

А почему бы, *собственно*, и нет?

– Иван Федорович, – повторила она в который раз, понимая, что требуется, сменив тему, успокоить разошедшегося молодого человека, – мне надо сказать вам что-то крайне важное. Не спрашивайте, каким образом, но мне стало известно, что вашему батюшке, Федору Павловичу, грозит большая опасность. Его скоро должны *убить!*

Она выпалила это, рассчитывая, что сейчас же раздастся гром и разверзнется потолок, и в нее попадет молния, пущенная гневом Верховного Создателя за вмешательство в ход романа.

А Верховным Создателем был Федор Михайлович Достоевский, скончавшийся вообще-то в феврале 1881 года. Но на момент написания «Братьев Карамазовых» он был, естественно, *жив*. Но кто сказал, что она находится в романе на

момент его написания – у романа, вернее, у реальности Скоттопригоньевска была своя временная шкала.

И никакого господина Достоевского здесь не ведали, а только госпожу Достоевскую: *ее саму*.

Втайне Нина надеялась, что разверзнется не потолок, из которого ударит посланная в него писательским гневом литературная молния, а в углу, да хоть *в полу*, возникнет искомая темно-синяя деревянная дверь с ручкой в виде разинутой пасти льва.

Потому как, сообщая Ивану Карамазову о предстоящем убийстве его отца, не исключено, им же самим и совершенном, она нарушила все мыслимые и немыслимые законы жанра.

И вдруг подумала о том, что сама же на экзамене отстаивала точку зрения, что одного монолитного жанра не существует. Значит, выходит, своим вторжением она *ничего* не нарушила?

Однако весть о скором драматическом событии произвела на Ивана Федоровича совсем не то воздействие, на которое она надеялась.

Пожав острыми плечами, молодой человек весьма равнодушно произнес:

– Ну, туда ему и дорога. Мой отец – препоганенький человечиска. Такой, как он, не заслуживает дальше жить. Мне об этом черт говорит...

Ужас, да и только: в воспаленной фантазии Ивана Кара-

мазова *уже* появились мысли об отцеубийстве!

– Как вы можете! – произнесла возмущенная речами Ивана Нина, выдернув у него из рук свою ладонь. – Он же ваш отец!

– Уж лучше бы он и не был, Нина Петровна. Помимо этого, он и Мите отец, и Алеше. И, меня это вовсе не удивит, еще куче местных жителей. Например, как судачат, нашему лакею Смердякову. Думаете, батюшка не в курсе сего факта? Конечно, в курсе, но ему доставляет небывалое удовольствие держать в качестве лакея собственного бастарда от местной полоумной нищенки Лизаветы Смердящей, которую обрюхатил, соблазнив, как соблазнил за декады своей плотской вакханалии наверняка и многих других девиц и дам. И не говорите мне, Нина Петровна, что смерть такого человека не пойдет человечеству на пользу!

«Тварь ли я дрожащая или право имею...» И пусть из другого романа Достоевского, но мысли примерно те же самые.

– И вам его не жаль? – спросила с явным упреком Нина, и Иван Карамазов усмехнулся, причем как-то недобро, так, что Нине сделалось жутко.

– Кого, Смердякова? Нет, не жаль. Он весь в батюшку нашего...

– Нет, я имею в виду вашего отца, Иван Федорович...

Иван, снова накрыв ладонью ее руку, с жаром произнес:

– Нет, не жаль. Знаете, Нина Петровна, я иногда даже сам подумываю о том, а не убить ли *мне* самому старика. Взять

и тукнуть его по пустой башке, в которой роятся злокозненные мыслишки. Как думаете, стоит ли мне обсудить эту недурственную идейку с моим знакомцем из преисподней?

Еще до того, как Нина нашлась что ответить, дверь трактира растворилась, и в него ввалилась ватага молодых и не очень людей – человек десять, не менее.

Один из вошедших, статный, красивый молодой человек, правда, с уже изрядно потрепанным лицом и легкими залысинами, заметив Ивана, воскликнул:

– Ах, брат Иван! А ты-то что тут делаешь, в нашем любимом кабаке? Обычно ты в такие места не заходишь...

Он приблизился к ним, и Иван Карамазов, быстро убрав руку с ладони Нины, процедил:

– Мой братец Дмитрий Федорович, еще один отпрыск нашего никчемного родителя.

Нина уставилась на старшего брата Карамазовых, того самого, которого суд присяжных признает виновным в убийстве этого самого никчемного родителя и отправит на долгие годы на каторгу.

Взглянув на Нину, Митя Карамазов по-клоунски сделал некое подобие реверанса и восторженно произнес:

– Милостивая государыня, я решительно и бесповоротно пленен вашей красотой! И тем фактом, что наша книжная крыса, мой братец Ваня, проводит время не за чтением нудных ненужных книг, от которых только глаза портятся и ум

за разум заходит, а в обществе столь очаровательной, нет, берите выше, *ослепительной барышни!* Разрешите представиться: Дмитрий Карамазов – у ваших ног! Как там у братца Пушкина Александра Сергеевича? «Чуть свет уж на ногах, и я у ваших ног?»»

Просвещать великовозрастного недоросля, что эти слова из комедии *другого* Александра Сергеевича, *Грибоедова*, Нина сочла неуместным. Судя по всему, Митя во многом был копией своего отца, который, насколько помнила Нина по тексту романа, тоже был склонен к вызывающим фиглярским выходкам на людях и к сомнительным комплиментам, цель которых была смутить и сбить с толку.

В общем, *типичный* Карамазов.

– Смею ли я спросить об вашем имени, сударыня? – произнес он на беглом, но по произношению весьма худом французском: впрочем, сама Нина говорила на нем *еще хуже*, однако смогла понять, чего добивается от нее Митя.

Вместо нее ответ – *ледяной и высокомерный* – дал Иван.

– Брат, не твоего короткого ума дело. Мы ведем беседу о вещах, для тебя слишком сложных. Оставь нас в покое!

Но Митя отнюдь не обиделся на такие прямые и грубые слова и, будучи явно *навеселе*, с глуповатой улыбкой заявил:

– Ах, секреты, сплошные секреты, братец Ваня... Но ты меня огорошил – ты и прелестная барышня!

Он вдруг, подобно своему братцу, схватил ладонь Нины, поднес к губам и смачно поцеловал.

Неужели *все* Карамазовы уверены, что могут безнаказанно слюнявить ее пальцы?

– Мадемуазель, я крайне рад свести с вами знакомство... – начал он на своем дурном французском, запнувшись, а потом оглушительно расхохотался и продолжил на русском: – Черт, остальное забыл! Образование у меня никудышное, а все благодаря нашему драгоценному папеньке Федору Павловичу, черт его дер!

Иван, на губах которого возникла тонкая, такая страшная, ухмылка, произнес:

– *Черт его дер* – выражение, Митя, весьма подходящее. В самом деле, *черт*...

И, пристально смотря на испуганную Нину, продолжил:

– А что ты будешь делать, братец, если нашего папеньку в самом деле в ближайшие дни, а то и часы заберет к себе *черт*?

– Да пусть забирает! – заявил во все горло Митя. – Им вдвоем будет ой как весело! Как бы чертяка потом батюшку из ада за неподобающее поведение не вытурил!

Сопровождавшие его дружки загоготали, а Иван тихо произнес, обращаясь к Нине:

– Извините, Нина Петровна, что вы вынуждены терпеть этот балаган. Все это типичная карамазовщина, которая берет начало в нашем папеньке. Теперь вы понимаете, почему я *ничуть* не буду расстроен, если его, как вы говорите, отправят к праотцам?

Тут подле стола возникла знакомая слащавая физиономия со сдвинутой на затылок шляпой: к ним присоединился Родя Кривошеин, бывший одним из собутыльников Мити Карамазова.

– Ах, госпожа Достоевская, вам уже лучше? – произнес он игриво, и Митя, схватив его за руку, завопил:

– Госпожа Достоевская? Ты знаком с милой барышней, Родька? Ну-ка, представь нас, а то мой братец снова разыгрывает из себя принца печали и скорби!

Родя, уставившись на Дмитрия Карамазова, заикаясь, произнес:

– Ну, вообще-то, Дмитрий Федорович, ты должен знать милую барышню, потому как она твоя кузина!

Нина закрыла глаза, готовая провалиться под землю. Ну да, наврала и нафантазировала с три короба, вот вранье и вылезло...

Собираясь мыслями, чтобы уверить всех присутствующих, что ее *не так* поняли и что не она сама кузина Карамазовых, а просто *знакома с кузиной* (хотя есть ли у них вообще *кузина*, она не знала: что упоминалось в романе, она уже не помнила, тем более это было и неважно – роман Достоевского и действительность, *возникшая* из романа Достоевского и существовавшая сама по себе, подобно отдельному космосу, были *две большие разницы*), но ее опередил Митя, хлопнувший себя по лбу пятерней и заявивший:

– Ну, конечно, как же я мог забыть! Конечно, наша кузина

мадемуазель Достоевская! Обещалась приехать этим летом. Ах, милая кузина, я так давно тебя не видел, сразу даже и не узнал. Ты стала такая прелестная, такая соблазнительная. Разреши на правах твоего кузена по-родственному поцеловать!

И он полез к ней. Нина, вздохнув, была вынуждена изобразить теплые чувства, хотя не сомневалась в том, что Митя снова паясничает, желая только облобызать ее.

И не только облобызать – девушка ощутила его руку у себя на талии, а затем и на ягодицах. Нет, вот ведь нахал! За кого он ее принимает!

Вероятно, за работницу заведения мадам Зинаиды.

Митя же жарко зашептал ей на ухо:

– Ты ведь новенькая у Зинаиды? У, какая ты красавица, какая скромница! Ничего, вот от этих балбесов избавлюсь и загляну после полуночи. Ты меня жди. А братца Ваню забудь – он тебя счастливой не сделает. А вот я смогу!

И он сжал руку.

Нина, повинувшись рефлексу, повела себя вовсе не как девица *девятнадцатого* столетия, а как современная девушка века *двадцать первого*.

Барышня из XIX века наверняка бы дала нахалу пощечину, тем самым только раззадорив его. И подтвердив перед его друзьями, от которых, конечно же, не ускользнуло его похабное движение, что девица-то огонь, но ее можно вполне обуздать.

Вспомнив кое-какие приемчики из курса самообороны, который она пару лет назад посещала и который включал в том числе и поведение при нападении *сексуального маньяка*, Нина сделала резкое движение, заломила кисть Мити, коленом ударив его в живот (благо, что широкая юбка не помешала).

Раздался хруст, стон, визг и глухой удар – и Митя Караманов, поверженный на спину, возлежал на грязном полу трактира, явно ошарашенный и не понимавший, *что* же с ним произошло.

Произошло то, что Нина, которую возмутило его поведение, перебросила его через колено и уложила на обе лопатки.

Не дав возможности Мите очухаться, она поставила ему на грудь ножку и произнесла, обращаясь к внезапно притихшей трактирной публике:

– Кузен Митя, благодарю за предложение сделать меня счастливой, но твоя помощь мне не понадобится. Я и *так* вполне счастлива. И советую впредь не распускать руки – если ты, конечно, теперь вообще в состоянии их распускать!

Правое запястье Дмитрия Федоровича, которое и хрустнуло, на глазах наливалось кровью и набухало. Не хотела она делать ему больно, но пришлось. Да и силы не рассчитала, потому что прием ей на практике применять ни разу не доводилось.

До сегодняшнего дня. Точнее, с учетом ее путешествия в

прошлое, к тому же романное, до вчерашнего или даже *позавчерашнего*.

Митя же, который наверняка должен был испытывать дикую боль из-за поврежденного запястья, виду не подал (хотя в уголках глаз выступили слезы), отполз в сторону, перевернулся и, подобно своему брату, бухнувшись на колени, только уже не на одно, а на *оба*, подполз к ней и, поцеловав ее туфлю, прочувственно заявил:

– Вот это сила, вот это экспрессия! Куда до вас, милая кузина, Катерине Ивановне, куда там Грушеньке...

Катерина Ивановна, как вспомнила Нина, была его невеста, девушка честная и серьезная. А с местной куртизанкой Грушенькой Митю связывали отношения *отнюдь* не платонические. Как, впрочем, и его отца, старика Федора Павловича – и именно это и послужило, по разумению суда, причиной убийства последнего.

Вернее, еще *послужит*. Или уже *нет*?

Нина, посмотрев на набухшее запястье своего «кузена», произнесла:

– Окажите Дмитрию Федоровичу помощь!

И подумала о том, что или вывихнула, или даже сломала тому запястье. Она не хотела, но так получилось. И что, собственно, это не так уж и плохо: теперь никто не сможет обвинить Митю в том, что он металлическим пестиком долбанул своего батюшку по голове. Потому что по причине *собственной* травмы элементарно не мог сделать этого.

– Ах, пустяки, милая кузина! Я вообще-то *леваша*, так что правая рука мне не нужна! Можете отрезать, я левой все делаю! – продолжил молодой человек, елозя на коленях и поцеловав ее второй башмачок. – Кстати, кузина вы нам отдаленная, можно сказать, седьмая вода на киселе. Так что попы не будут иметь ничего против нашей свадьбы!

И, откашлявшись, провозгласил:

– Милая кузина, госпожа Достоевская, смею здесь и сейчас, в присутствии этих почтенных свидетелей (он обвел левой, неповрежденной рукой, той самой, которой он, как выходило, мог еще вполне *убить* своего папашу), ну, или *не очень* почтенных, а также весьма *непочтенных*, просить вашей руки и сердца! И это несмотря на то, что моя собственная рука повреждена, а сердце разбито вдребезги – вами, милая кузина Достоевская! Выходите за меня замуж! Есть у меня один знакомый поп, в Мокром живет, мы к нему прямо сейчас покатим, он нас обвенчает! *Горько!*

И он стал поочередно целовать ей туфельки.

Присутствующие заплодировали – все, *за исключением* сидевшего за столом с лицом темнее тучи Ивана. Нина поняла: еще немного, и брат средний набросится на брата старшего.

И все *из-за нее!*

Она с разницей в десять минут получила *два* предложения о замужестве от *двух* братьев Карамазовых – нет, такого не мог выдумать даже сам Федор Михайлович!

Что за чистейшей воды *карамазовщина!*

Нина, отодвинувшись, обернулась в поисках двери.

Входной двери, а лучше, конечно, *другой*: темно-синей, деревянной, с ручкой в виде разинутой пасти льва.

– Так что, кухня, вы согласны? – произнес, упиваясь этой постыдной сценой, Митя, все еще стоя на коленях. – Вы станете мадам Карамазовой? А потом я прихыкну старого хрыча, и мы, получив его наследство, укатим в Ниццу! А вы, трутни и дармоеды, все поедете вместе с нами – папашка-то мой ужас как богат!

Присутствующие заулюлюкали, а Нина, перед которой стоявшие вокруг мужчины враз живехонько расступились, видимо, не без оснований опасаясь, что она бросит их через колено так же, как только что сделала это с Митей, кинулась к двери.

Обычной, входной, не темно-синей с ручкой в виде разинутой пасти льва.

– Милая кухня! – раздался пьяноватый голос Мити, заглушенный голосом Ивана:

– Нина Петровна!

Наконец-то она оказалась на свежем воздухе – за то время, которое она пробыла в трактире, уже стемнело. Нина, слыша за спиной голоса, однако не желая иметь ничего общего с двумя претендентами на ее руку и сердце, бросилась по улице вниз.

И только добежав до угла, перевела дыхание и поняла, что

не имеет ни малейшего понятия, куда ей идти.

На ее счастье, из-за угла как раз вывернула пролетка, причем все с тем же молодчиком, который несколькими часами ранее довез ее до «Книжного ковчега». Он тоже узнал Нину и, натягивая поводья, произнес:

– Ах, сударыня, извольте отвезти вас обратно?

Плюхаясь на сиденье пролетки, Нина произнесла:

– Да, да, прошу вас! Езжайте!

И только когда он тронулся, поняла, что забыла свой новый зонтик в трактире, однако возвращаться за ним не имело смысла.

Поездка по вечернему Скотопригоньевску длилась недолго – им надо было проехать всего несколько улиц, но и за эти десять минут Нина успела обдумать многое.

Итак, она не только попала в роман, но и *активно* вмешалась в ход событий! Одно дело, если бы она мелькала где-то на задворках и все шло бы по предписанному плану. А так она, не исключено, нарушила *его* план!

Хотя, если уж на то, кем он был предписан – Достоевским, понятное дело! Однако кто сказал, что события в реальном Скотопригоньевске должны развиваться точно так же, как события в Скотопригоньевске, им измышленном и являвшемся местом действия его романа?

Теперь это, выходит, был не *его* роман – и вообще никакой *не роман*, а реальность!

И она сама – его неотъемлемой частью!

Понимая внезапно, что происходящее, несмотря на свою невероятность, начинает доставлять ей удовольствие, Нина улыбнулась.

Да, творчество Достоевского, за редким исключением, она не особо жаловала. Слишком все мелодраматичное, плаксивое, истеричное, натянутое. То ли дело Толстой – мощное, достоверное, такое затягивающее, правдоподобнее любой реальности. Настоящая русская река, медленно несущая свои воды в море, по сравнению с которой даже самый известный роман Достоевского – бурный, мелкий, пенящийся горный ручеек.

Может, не случайно она оказалась не в одном из произведений Толстого, а именно в последнем романе Достоевского? Потому что у нее имелась уникальная возможность не просто вмешаться в ход событий, но и *изменить* их?

И более того, *предотвратить* убийство старого Карамзова.

Ну, и, помимо этого, выйти замуж за одного из его сыновей. Два старших ей уже сделали предложение – не хватало только младшего, Алеши.

И чувствуя, что страх и напряжение отступают на второй план, как, впрочем, и желание найти темно-синюю деревянную дверь с ручкой в виде разинутой пасти льва, Нина приняла решение: раз уж так вышло (точнее, раз она так уж *вошла*), то она не будет сторонним наблюдателем (которым, собственно, уже перестала быть), а станет активным участ-

ником событий.

И *перепишет* роман Федора Михайловича.

Хихикнув, Нина откинулась на удобное сиденье пролетки и услышала голос кучера:

– На месте, сударыня!

Ужин в тот вечер Нина в компании Пульхерии Ивановны и ее супруга, *Федора Михайловича*, пропустила, что вызвало массу вопросов за завтраком, к которому она была приглашена в столовую четы домовладельцев, которые, как она к тому времени узнала от прислуги, носили незатейливую фамилию Безымянные.

Завтрак, подобно ужину, подавался в строго определенное время, и определялось это расписанием дня и желаниями хозяина дома, Федора Михайловича Безымянного, местного литератора, библиографа и летописца.

Его самого Нина отчего-то представляла живой копией другого Федора Михайловича, *Достоевского*: с его продолговатым лицом, благообразной бородой, глубоко посаженными глазами.

Однако этот Федор Михайлович оказался крошечным, абсолютно лысым, говорливым живчиком, который буквально вкатился в столовую и, поцеловав руку Нины, тотчас уселся за стол и, повязав салфетку вокруг шеи, произнес:

– Так, так, так, где же моя кашка?

Его супруга торжественно подала Федору Михайловичу

серебряную тарелку, прикрытую серебряным же колпаком, под которым находилась ароматная манная каша. Хотя Безымянный вел себя как капризный ребенок, жена относилась к нему с подобоострастием и восхищением, называя, впрочем, исключительно на «вы».

Нина, которой тоже была предложена манная каша, впрочем, очень вкусная – с курагой, изюмом и орехами, не отказалась, не без улыбки наблюдая за сценкой за завтраком, в которой принимали участие супруги Безымянные, явно друг друга очень любившие.

– Федор Михайлович, а яичко всмяточку? Как же без яичка-то всмяточку? Вы сами говорили, что яичко полезно для мозговой деятельности!

– Пульхерия Ивановна, вы же знаете, что яичко всегда после кашки, но до кофеечка с круассанчиком.

Они обменивались стандартными фразами, которыми, вероятно, обменивались каждое утро на протяжении многих лет, а то и десятилетий. Детей, как поняла Нина, у четы Безымянных не было: как сообщила Нине говорливая горничная, и сын, и дочка преставились много лет назад, еще подростками, от скарлатины. Неудивительно, что Пульхерия дарила всю свою заботу и любовь супругу, а тот... Собственно, *чем* тот занимался?

Распрашивать Федора Михайловича не пришлось, потому что он был субъектом весьма говорливым и, как поняла Нина, любившим распространяться о себе и всем том, чем

занимался.

– Ах, милая Нина Петровна, если бы вы знали, какой я занятой человек! Благо, что мы с Пульхерией Ивановной обладаем кое-каким состоянием, что освобождает меня от необходимости служить в присутственных местах и позволяет заниматься любимым делом. А у меня их много! Я занимаюсь вопросами просвещения, пытаюсь организовать в нашем Скотопригоньевске инновативную форму образования для детей малосостоятельных наших граждан...

Он посмотрел на Нину, явно проверяя, знакомо ли ей слово «инновативный», и остался довольным, что она, не задав вопроса, кивнула.

– Интересуюсь филателией, нумизматикой, фармакопеей, криминологией, работаю в своей химической лаборатории, что в старой мельнице за городом, вывожу свой сорт роз, яблок, вишни и айвы, столярничаю, слесарничаю, точу геммы, немного занимаюсь живописью, стараюсь воссоздать старинный рецепт производства византийской мозаики, ищу клады, рву крестьянам и мещанам бесплатно зубы, читаю лекции по философии, теософии и астрономии, что вызывает большие нарекания нашего духовенства, полемизирую с достопочтенным старцем Зосимой, которого бесконечно уважаю, но воззрения коего, вне всяких сомнений, выдают в нем ретрограда и обскуранта, пытаюсь постичь азы современной физики, интересуюсь новинками техники, желаю сконструировать железнодорожный мост через нашу речку, состою

в переписке с девяноста тремя, нет, теперь, после кончины штутгартца, только лишь с *девяноста двумя* зарубежными корреспондентами, увлекаюсь азами новой науки психологии, пытаюсь подвести научную базу под толкование снов, разрабатываю альтернативную теорию геометрии и подаю меморандумы на имя местного начальства, а также начальства нашего начальства в Санкт-Петербурге о превращении нашего Скотопригоньевска в уездный город, так как на основании экономических выкладок и данных моей собственной статистики ясно вижу, что ему суждено великое будущее, а помимо этого...

Он сделал паузу, и Нина, воспользовавшись ею, быстро налила себе кофе. Не человек, а *атомный реактор!* Главное, не упомянуть атомный реактор вслух, а то он замучает ее вопросами, что это такое. Но, похоже, весьма поверхностный мечтатель, который вбил себе в голову, что Скотопригоньевск должен стать, если уж на то пошло, своего рода *Нью-Скотопригоньевском*...

Не хватало только Остапа с Кисой Воробьяниновым...

Тем временем хозяин-коротышка продолжал:

– Помимо этого, издаю литературный журнал, дела которого, увы, идут далеко не блестяще, потому как в нашем Скотопригоньевске никто серьезной литературой не интересуется. Собираю редкостные книги, а также...

Он смолк, и Пульхерия, воспользовавшись паузой, убрала пустую серебряную тарелку и поставила перед супругом

другую, тоже серебряную, на которой покоилось яйцо в серебряной же подставке.

– Также я работаю над историей нашего Скотопригоньевска!

Нина снова кивнула, понимая, что имеет дело с крайне деятельным, но, вероятнее всего, *бесталанным*, однако не лишенным шарма и уж точно совершенно безобидным, хотя и весьма надоедливым графоманом, который благодаря наличию денег мог заниматься тем, чем только хочет.

А не тем, чем *нужно*.

– Разве это не грандиозно? – спросила, всплеснув руками, Пульхерия, которая никак не могла насмотреться на своего супруга, а тот важно произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.